

56/9.
А. Ветуховъ.

НАЧАТКИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

СИНТАКСИСЪ и ЭТИМОЛОГІЯ.

(Пригодно для самообразованія, 8-хъ—спеціальныхъ—классовъ женскихъ гимназій, для среднеучебныхъ заведеній и городскихъ училищъ).

Цѣна 30 коп.

Харьковъ.

Типографія журнала „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14.
1909.

Того же автора.

- 1) „Народныя колыбельныя пѣсни“. М. 1892 г. Ц. 75 к. (Распр.)
- 2) „Янъ Амосъ Коменскій“. Харьк. 1893 г. Ц. 10 к.
- 3) „Говоры слободъ Бахмутовки и Новой-Айдари Старобѣльск. у. Харьк. губ.“ (южновеликорус.). Варшава 1893 г. Ц. 20 к.
- 4) „Говоръ слободы Алексѣевки Старобѣльск. у., Харьк. губ.“ (ма-лорус.). Варшава. 1895 г. Ц. 10 к.
- 5) „Д. В. Аверкіевъ. „О драмѣ“. Харьк. 1894 г. Ц. 10 к.
- 6) „Языкѣ, поэзія и наука“. Харьк. 1892 г. Ц. 25 к.
- 7) „Основные вопросы литературной критики“. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.
- 8) „Памяти Р. І. Каширенинова“. Х. 1896 г. (Безпл.).
- 9) „Какъ возвращаютъ глухонѣмымъ даръ рѣчи и слухъ“. Харьк. 1897 г. Ц. 10 к.
- 10) „А. А. Потебня“. Варш. 1898 г. Ц. 50 к.
- 11) „Пушкинъ—поэтъ міровой“. Х. 1899 г. Ц. 10 к.
- 12) „О „Новой наукѣ семантики“ М. Бреалю“. Харьк. 1899 г. Ц. 10 к.
- 13) „Философскіе вопросы при свѣтѣ языка“. Варш. 1899 г. Ц. 20 к.
- 14) „Памяти Г. М. Шторха“. Харьк. 1899 г. (Безпл.).
- 15) „Еще къ вопросу о частицахъ и присловьяхъ: ста (стани) и др.“. Варш. 1900 г. Ц. 15 к.
- 16) „Заговоры, заклинанія и др. виды народнаго врачеванія, основан-ные на вѣрѣ въ силу слова“. (Изъ исторіи мысли). В. І. Варш. 1901 г. Ц. 1 р.
- 17) „Матеріалы Предварительнаго Комитета XII Археологическаго съѣзда.—І. О кобзаряхъ и лирникахъ.—ІІ. О писанкахъ“. Х. 1902 г. Ц. 15 к.
- 18) „Труды Педагогическаго Общества, состоящаго при Император-скомъ Московскомъ ун-тѣ. І. М. 1900 г.“ (Библиографич. за-мѣтка). Харьк. 1902 г. Ц. 10 к.
- 19) „О дѣятельности Педагогическаго Отдѣла Харьк. Истор.-филол. Общества за 1-е десятилѣтіе“. Харьк. 1904 г. Ц. 10 к.
- 20) „Изъ этнографич. матеріаловъ по Харьк. губ.“. Х. 1905 г. Ц. 15 к.
- 21) „Н. Ѳ. Сумцовъ, какъ изслѣдователь народнаго быта и куль-туры“. Харьк. 1905 г.
- 22) „Обзоръ рукописн. этногр. матеріала, доставленнаго Предварит. Комитету XII Археол. Съѣзда“. М. 1905 г. Ц. 40 к.
- 23) „Переводы Жуковского, какъ самостоятельное художественное творчество“. Х. 1905 г. Ц. 5 к.
- 24) „Нѣсколько замѣчаній о постановкѣ внѣкласснаго чтенія“. Харь-ковъ. 1905 г. Ц. 5 к.
- 25) „О взаимномъ довѣріи и взаимопомощи семьи и школы“. Харьк. 1905 г. Ц. 10 к.
- 26) „Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго вра-чеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). В. І.—ІІ. Варшава. 1907 г. Ц. 4 р. (Отдѣльно ч. І-я ц. 1 р. и ч. ІІ. ц. 3 р. остались въ очень огранич. количествѣ лишь у автора).

Получать можно отъ автора (Харьковъ, Лермонтовская ул., № 18, с. д.), а №№ 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 25 и 26—и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

6/4-22

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

А. Ветуховъ.

*Дорогому
Андрею Сергеевичу
Ветухину
на добрую память
отъ авиатора
1908, Вн, 24.*

НАЧАТКИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

СИНТАКСИСЪ и ЭТИМОЛОГІЯ.

(Пригодно для самообразованія, 8-хъ—спеціальныхъ—классовъ женскихъ гимназій, для среднеучебныхъ заведеній и городскихъ училищъ).

~~3568~~

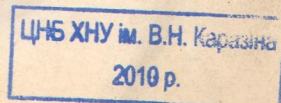
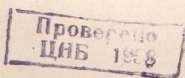
~~№ 5619
1922/34 р.~~

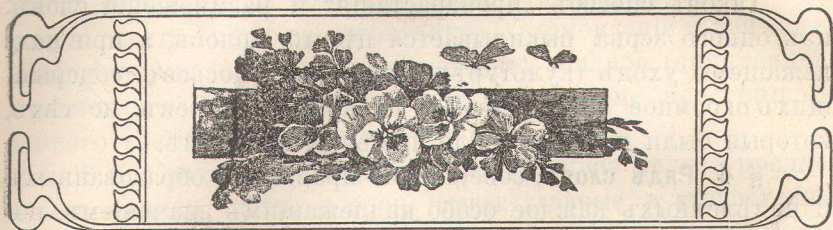

Харьковъ.

Типографія журнала „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14.
1909.

58 95 872

§ 1. Вся человѣческая рѣчь состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ различной силы: **гласныхъ**—ясно, отчетливо слышныхъ въ отдѣльности (ихъ можно выкрикнуть, пропѣть, на нихъ можетъ стоять нотный знакъ) и **согласныхъ**—слышныхъ болѣе—менѣе ясно лишь въ сочетаніи, въ соединеніи съ гласными. Сохранился до настоящаго времени одинъ звукъ, стоящій на распутьи,—**полугласный** ¹⁾.

§ 2. Все это обиліе и разнообразіе звуковъ остается безжизненнымъ, неосмысленнымъ, лишеннымъ существеннаго признака человѣческой рѣчи—разумности, пока между опредѣленнымъ сочетаніемъ членораздѣльныхъ звуковъ и его значеніемъ не установилось единства; только въ этомъ случаѣ мы слышимъ (или видимъ) человѣческое слово.

§ 3. Надѣленіе извѣстнаго сочетанія звуковъ въ моментъ пользованія имъ въ рѣчи (или мысли—беззвучной рѣчи) тѣмъ или инымъ значеніемъ и есть **созданіе новаго слова**; слово одно и то же по звукамъ можетъ имѣть множество оттѣнковъ значенія и малѣйшее измѣненіе значенія, всякое новое пониманіе—уже новое, особое

¹⁾ Раньше такихъ звуковъ было больше: сюда примыкали т. н. **глухіе** (или нѣмые,—*muet*—) гласные, знакомые современнымъ европейскимъ языкамъ (напр., французскому, нѣмецкому) и бытующіе нынѣ въ обиліи (для тонкаго уха) въ живыхъ говорахъ русскаго просторѣчія (Ср., напр. *vernehmen*, *fenêtre*, *apprenez*, *Catherine*, *petit* и проч. съ древне-русскими и современными въ родѣ „отрокъ-ть“=отрок’о-ть, „парень-ть“=парено-ть, „холмо-ть великъ“, „мостъ-ать широкъ“ и друг.).

нѣтъ? а это?—и отбросимъ одинаковое въ одинъ и тотъ же (умственный) ящикъ. Что же видимъ? Вся слышанная (быть можетъ очень длинная) рѣчь разобьется на весьма ограниченное число такихъ ящичковъ. Такъ поступаетъ кассиръ бойко торгующей лавки: онъ разбрасываетъ монеты—по ихъ цѣнности—въ особыя отдѣленія и такимъ образомъ легко и быстро даетъ сдачу и производитъ подсчетъ всей накопившейся (быть можетъ огромной по количеству мелкихъ монетъ) суммы.

Значить, вся человѣческая рѣчь, какъ рядъ несвязанныхъ между собою,—хотя и членораздѣльныхъ и надѣленныхъ каждое въ отдѣльности надлежащимъ значеніемъ,—словъ, разобьется на небольшое число группъ, классовъ, категорій.

Эти ящики, группы, разряды словъ въ грамматикѣ называютъ **частями рѣчи** (какъ и частью человѣческаго тѣла будетъ всякій случайно отрѣзанный, содранный или вырванный кусочекъ кожи, мышцы, нерва и проч.).—Всякое, любое слово есть уже часть рѣчи.

§ 9. Но не всякое слово (какъ и не всякая часть тѣла) можетъ быть названо **членомъ предложенія**: есть слова, совсѣмъ не образующія члена предложенія или создающія послѣдній лишь группой, сочетаніемъ нѣсколькихъ въ одно цѣлое.—Наоборотъ, разрядъ словъ, категорія частей рѣчи вовсе не опредѣляетъ категоріи членовъ предложенія: подлежащимъ, напр., можетъ быть любая часть рѣчи и любой рядъ разнообразныхъ частей рѣчи.

§ 10. **Члены предложенія и части рѣчи**—это одни и тѣ же явленія языка только съ разныхъ точекъ зрѣнія,—откуда на нихъ посмотришь. Такъ: „песчаникъ—камень“—какъ части рѣчи одно и то же, а какъ члены предложенія рѣзко различны: „песчаникъ“—подлежащее, а „(есть) камень“—сказуемое. Если мы произведемъ перестановку словъ (камень—песчаникъ), результатъ для категорій рѣчи прежній, а для членовъ предложенія опять иной: „камень“ стало подлежащимъ, а „(есть) песчаникъ“—сказуемымъ.—Иногда подъ влияніемъ новой роли въ предложении тотъ или иной членъ предложенія получаетъ возможность переступить границу своей категоріи,—превратится напр. изъ прилагательнаго въ существительное („слѣпой не видитъ, глухой не слышитъ“) ¹⁾.

Предложеніе, какъ актъ живой творческой мысли, не

¹⁾ Видную роль въ подобныхъ превращеніяхъ играетъ удареніе напр. „кругомъ и кругомъ. на-ночь и на ночь“ и пр.

даетъ застывать въ мертвой стойкѣ имъ же созданнымъ рядомъ словъ, постоянно оживляя ихъ и перемѣщая одинъ на мѣсто другого. Жизнь здѣсь кипитъ.

На этомъ прервемъ пока изложеніе дальнѣйшаго развитія и усложненія формъ человѣческой мысли въ письменности: онѣ станутъ яснѣе, легче будутъ усвоены послѣ разсмотрѣнія тѣхъ привнесеній въ эти простѣйшіе сравнительно процессы, какія сдѣлала письменность,—основа нашей цивилизаціи.

§ 11. Пока мы говоримъ, мы воспроизводимъ исключительно рядъ звуковъ, если даже произносимъ слова „про себя“, мысленно. Попробуйте, слегка прикусивъ языкъ, читать беззвучно, въ умѣ, напечатанное или написанное, или думать о чемъ-нибудь, и вы подмѣтите, что языкъ совершаетъ непремѣнно, помимо вашей воли, рядъ разнообразныхъ движеній, соотвѣтствующихъ тѣмъ, кои необходимы для произнесенія громко, вѣлухъ того или иного звука.

Наоборотъ, въ лежащей передъ вами раскрытой книгѣ или исписанной тетради звуковъ нѣтъ совсѣмъ, а есть лишь условные знаки, (для каждаго языка по-своему) изображающіе звуки. Это своего рода фотографіи, картинки звуковъ. Знаки эти называются **буквами**.

§ 12. Конечно, буквами не можетъ быть передано все богатое звуковое разнообразіе человѣческой рѣчи, какъ и все разнообразіе выраженій лица живого человѣка, его движеній, жестовъ не можетъ быть передано самой совершенной фотографіей, дающей точный снимокъ лишь для даннаго мгновенія и быть можетъ совершенно не свойственный, чуждый вообще изображаемому лицу.—Множество оттѣнковъ того или иного звука остаются непередаваемыми, отчасти даже непередаваемыми на письмѣ (напр. въ русскомъ начертаніи буква **р** одинаково изображаетъ собою и гортанное, заднеязычное **р**, свойственное восточнымъ народамъ, и картавое французское, и чистый плавный звукъ и др.).

Приходится условиться въ извѣстномъ знакѣ и имъ передавать, изображать рядъ сродныхъ звуковъ. Изрѣдка

случалось и наоборот: знаки, установленные для первоначально различных звуковъ, сохраняются на письмѣ (и въ печати) долгое время, въ силу традиціи (преданія), и послѣ того, какъ эти звуки стали очень близки по произношенію (е и ѣ или и и і) ¹⁾.

§ 13. Менѣ приспособленные къ отвлеченному мышленію, къ обобщеніямъ, языки имѣютъ множество письменныхъ знаковъ (китайскій, напр.,—тысячи). Славянскій языкъ, этотъ родитель русскаго, имѣлъ больше письменныхъ знаковъ, чѣмъ современный русскій, а въ этомъ послѣднемъ на нашихъ глазахъ исподволь отмираютъ нѣкоторыя буквы, какъ напр. **Ѹ** (ижица), **Ѳ** (ѳита).

Комплектъ современныхъ письменныхъ знаковъ русскаго языка, (употребляемыхъ для набора—печатанія всѣхъ существующихъ на этомъ языкѣ книгъ, журналовъ, газетъ и проч.), состоитъ всего изъ **35**: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Іі, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щш, Ъъ, Ыы, Ьь, Ъѣ, Ээ, Юю, Яя, Ёё.

Этотъ комплектъ буквъ по имени двухъ начальныхъ (въ славянской письменности—„азъ“ и „буки“) принято называть **азбукой** или по тѣмъ же начальнымъ греческой („альфа“ и „вита“) — алфавитомъ.

§ 14. Начертанія буквъ бываютъ двоякаго рода (почему однѣ и тѣ же буквы и напечатаны выше попарно): 1) прописныя, надстрочныя или большія и 2) строчныя или малыя. Это вызывается требованіями техники письма.

§ 15. Буквы, соотвѣтственно тѣмъ звукамъ, которые ими изображаются, дѣлятся на **гласныя**, **полугласную** ²⁾ (**й**) и **согласныя**.—Первый отдѣлъ распадается на двѣ части: мягкія (я, е, ю, и, і) и твердыя—остальныя, кромѣ **Ѣ**, причисляемой въ однихъ случаяхъ къ мягкимъ, въ другихъ—къ твердымъ. —Второй отдѣлъ распадается на группы по способу произношенія, соотвѣтственно тѣмъ органамъ человѣческаго ап-

¹⁾ Хотя и понынѣ между ними для тонкаго уха различіе звуковое не вполне утрачено: ср. „вена“ (жила) и „Вѣна“ (городъ) или въ малорус. „діло, тіло, біле“ и проч. (какъ постоянное, типичное явленіе) на мѣстѣ литературнаго „тѣло, дѣло“ и т. д.; „великій“ по малорус. произносится почти какъ „велькій“, наоборотъ, въ „сівъ“—гласная острая.

²⁾ Къ полугласнымъ могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ (см. § 1-й) отнесены и **Ѣ** и **Ѥ**—знаки твердости и мягкости предшествующей согласной, все еще играющіе видную роль въ произношеніи и различеніи значеній словъ (уголь и уголь, сѣѣль и сѣѣль, семи и семьи и проч.).

парата рѣчи, коими произносятся соотвѣтственные звуки: **г, к, х**—гортанныя, **ж, ч, ш, щ**—шипящія, **з, ц, с**—свистящія, **д и т**—зубныя, **н**—носовая, **п, б, в, м, ф**—губныя и **л и р**—язычныя или плавныя ¹⁾.

§ 16. Способъ произношенія звуковъ очень разнообразенъ у людей, живущихъ въ данное время и говорящихъ возможно чистымъ, литературнымъ языкомъ, а разнообразіе это на протяженіи многихъ десятилѣтій и даже столѣтій, на пространствѣ напр. широкой Россіи для говорящихъ русскимъ языкомъ разныхъ оттѣнковъ, говоровъ, нарѣчій—необъятно.

Приходится на письмѣ, въ цѣляхъ понятности его для всѣхъ, пользующихся даннымъ печатнымъ литературнымъ языкомъ прибѣгать къ условностямъ, къ своего рода алгебраическимъ знакамъ, величинамъ, требующимъ строгихъ правилъ (съ исключеніями), иногда идущихъ даже въ разрѣзъ съ современнымъ произношеніемъ. Но считается съ этими условностями необходимо, иначе начнется непониманіе однѣхъ группъ другими, начнется разрушеніе общей культурной работы.

Выйти изъ этого ряда „подводныхъ камней“, созданныхъ исторіей письменности въ борьбѣ съ естественнымъ ростомъ живой рѣчи, съ наименьшей потерей силъ и времени—одна изъ труднѣйшихъ и неразрѣшенныхъ понынѣ въполнѣ удовлетворительно задачъ теоріи письма (т. н. ореографіи или правописанія). Это—одна изъ наиболѣе скучныхъ, но все-же необходимыхъ и существенно важныхъ частей грамматики.

§ 17. Значительная часть этой области уясняется и опредѣляется по смыслу—(своего рода „чутьемъ“ языка), въ зависимости отъ развитія владѣющаго письменной рѣчью,—о чемъ рѣчь ниже. Здѣсь же остановимся лишь на внѣшнихъ, формальныхъ указаніяхъ, какъ поменьше сбиваться на этомъ пути.

и (восьмеричное) и **і** (десятиричное) ²⁾ различаются при употребленіи въ письмѣ и печати такъ: **і** пишется передъ полугласною (**й**) и передъ всѣми гласными (кромѣ словъ въ родѣ „**шестиаршинный, пятиэтажный**“ и проч., сохранившихъ

¹⁾ При ихъ произношеніи языкъ дѣлается какъ бы плавающимъ (вибрирующимъ) во рту.

²⁾ Названія эти объясняются тѣмъ, что славянскія буквы обозначали и соотвѣтствующія цифры: **а** (азъ)=одинъ, **и** (иже)=8, **і**=10.

самостоятельность своих составных частей), а передъ согласною—только въ словѣ „міръ“—вселенная, весь свѣтъ, весь кругъ понятія,—откуда—„мірской, мірянинъ“.

е и **ѣ**—(**э**—легко отличается звуковымъ способомъ—ухомъ—ср. **эй** и **ей**; обыкновенно пишется въ началѣ словъ)—наиболѣе представляютъ затрудненій.

Пойдемъ путемъ отрицанія.—Если звукъ, изображаемый одною изъ этихъ сомнительныхъ буквъ, подвергается измѣненіямъ, можетъ замѣняться другимъ или совсѣмъ выпадать, то такой звукъ слѣдуетъ изображать черезъ **е** (день—дня, пень—пня, веду—водитъ, несу—носить, веду—вѣлъ, плету—плѣлъ, берегу—берѣгъ и др.¹⁾).

Изъ гласныхъ звуковъ отчетливѣе другихъ слышны **а**, **у**, **и**, **ы**; остальные въ рѣчи очень часто замѣняются одинъ другимъ и создаютъ рядъ затрудненій на письмѣ.—Для выясненія таковой неясной гласной необходимо замѣнить данное слово (форму) такимъ родственнымъ, въ которомъ искомая гласная была бы произнесена громче другихъ, сдѣлать на ней повышение голоса, называемое **удареніемъ** (напр. вода—вѣда, стѣна—стѣны, воротить—вѣротъ—поворотъ и др.).

Съ **сомнительной согласною** слѣдуетъ поступать такъ: возьмемъ родственное слово, гдѣ такая согласная будетъ стоять послѣ гласной, желательно—ударяемой,—и „сомнительность“ ея почти всегда разъяснится (напр. столбъ—столбы, огородъ—огороди и др.).—Однако, послѣ шипящихъ и гортанныхъ, **вопреки слуховымъ даннымъ**, нельзя писать гласныхъ **я**, **ю**, **ы** (щука, чудо, широкій и проч.).—Съ остальными предохранительными средствами противъ безграмотности, ошибокъ на письмѣ познакомимся попутно въ дальнѣйшемъ изложеніи.

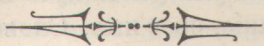
§ 18. Уже одной буквы иногда бываетъ достаточно для изображенія цѣлаго слова (напр., **а**, **и**, **у**, **о**—„а онъ и у меня спрашивалъ о братѣ“), и все многотысячное словесное богатство человѣческой рѣчи, изображенной знаками, состоитъ

¹⁾ Это послѣднее измѣненіе имѣетъ отступленія, хотя только въ опредѣленныхъ, особыхъ формахъ, а въ начальныхъ (т. е. въ им. пад. ед. ч. и въ неопр. накл.) возстановляющія основное, неперемѣняемое **ѣ**: „гнѣзда—гнѣздо; сѣдла—сѣдло; звѣзды—звѣзда; цвѣтъ—цвѣсти, приобрѣлъ—приобрѣсти“ и т. п.

Заучиваніе таблицы коренныхъ словъ съ **ѣ**, кромѣ собственныхъ именъ, некупающая себя затрата времени и силъ; желающіе могутъ изучать ихъ по стѣннымъ таблицамъ, развивая т. о. зрит. память.

изъ различныхъ соединеній буквъ, иногда очень многочисленныхъ („благораствореніе“). И всякое слово,—самое короткое и самое „протяженное“, является непременно той или иной частью рѣчи (какъ уже упомянуто выше), имѣющей свое грамматическое названіе, свое имя. Слово—предметъ называютъ въ грамматикѣ **именемъ существительнымъ** (домъ, книга, море),—какъ названіе всего существующаго въ реальныхъ образцахъ. Слово—качество зовется **именемъ прилагательнымъ** (каменный, учебная, синее),—какъ прилагаемое къ существительнымъ для болѣе точнаго различенія ихъ, слово—число—**именемъ числительнымъ**. Въмѣсто этихъ трехъ именъ можетъ ставиться **мѣстоименіе** (напр. человѣкъ=онъ, синій=такой, четыре=столько).—Слово—дѣйствіе названо **глаголомъ**, т. е. говорящимъ, высказывающимъ, выводящимъ наружу скрытыя въ существительномъ (или его замѣнахъ) признаки, дѣйствія, силы.—Слова—обстоятельства, при которыхъ происходятъ, проявляются, становятся очевидными тѣ или иныя дѣйствія (признаки, свойства, силы), названы **нарѣчіями**, (т. е. схожими по формѣ съ какой-либо изъ предыдущихъ частей рѣчи), такъ какъ они представляютъ собою окаменѣвшія или окаменѣвающія формы той или иной части рѣчи (кругомъ, верхомъ, дома, вчера—существит.; быстро, хорошо—прилагат.; хотя, несмотря—глаголы; если=есть ли и т. п.). Остальныя части рѣчи суть слова служебнаго характера, не составляющія—(кромѣ рѣдкихъ случаевъ, въ родѣ „невольное ахъ вырвалось изъ устъ его“ и под.)—въ предложеніи особаго члена, а лишь помогающія его образовывать въ сложении, сочетаніи съ другими частями, или соединяющія въ одно цѣлое слова и предложенія, или обнаруживающія отношеніе говорящаго къ сказанному. **Предлогъ**—пишется раздѣльно лишь съ именами и мѣстоименіями, помогая увеличивать разнообразіе формъ при измѣненіяхъ этихъ словъ; сливаясь съ глаголами и нарѣчіями, придаетъ имъ новый смыслъ, новое значеніе, т. е. способствуетъ обогащенію языка новыми словами. **Союзъ** служитъ для связыванія, соединенія въ одно цѣлое отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложений („я да ты“; „тетрадь лежитъ, а книга упала“). **Междометіе**—какъ бы слово, бросаемое (метаемое) среди другихъ безъ органической связи съ ними, для выраженія чувства, настроенія говорящаго (охъ! какой большой; ого! какой большой; увы! онъ ужъ большой), или для передачи звуковъ не человѣческаго языка, тоже

какъ бы заброшенныхъ въ чуждую среду,—въ родѣ подражаній крикамъ звѣрей, птицъ, скрипу деревьевъ, вою вѣтра и т. п. („цыпъ—цыпъ“; „гуль—гуль“; „мяу“)...

§ 19. Жизнь языка постоянно видоизмѣняетъ эти категоріи, эти части рѣчи, дѣлая возможнымъ переходъ отъ одного разряда къ другому: мертвыхъ точекъ въ языкѣ нѣтъ.

Присмотримся, какъ совершаются эти переходы. Передъ нами простѣйшее по звуковому составу (однобуквенное) слово „а“—это зерно,—изъ котораго, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, могутъ вырасти и корень, и стебель, и колось, полный новыхъ зеренъ,—нѣкогда въ свою очередь, вѣроятно, бывшее однимъ изъ многочисленныхъ въ своемъ колосѣ. Вотъ отъ него молодые ростки, сравнительно поздно взросшія въ языкѣ,—„а́кать“ (т. е. говорить вмѣсто о звукъ, схожій съ а, напр. ва́да, пани́маю), откуда—„а́канье“ (говоръ на а); ср. „даканье, поканье, тыканье“ и проч. Возьмемъ слово подлиннѣе, напр. „сто“,—въ немъ зерно уже раскрылось (развернулось) въ корень (ст) и маленькій ростокъ (о), измѣнчивый, гибкій (ст—а); въ словѣ „вод—а“ этотъ ростокъ еще болѣе гибкій (воды, вод—ѣ, вод—у, вод—ою). Въ словѣ „вод—н—ый“ обозначился уже между корнемъ и росткомъ, переходящимъ въ колось, стебелекъ—н.—Съ появленіемъ этого послѣдняго перемѣнилась и категорія слова: изъ существительнаго выросло прилагательное.—Если бы мы вздумали растеніе (напр. рожь или пшеницу) пересадить или послѣ всхода засыпать землею, то ниже корня появится приростокъ: подобное явленіе можемъ наблюдать и въ ростѣ словъ, напримѣръ „под—вод—н—ый“.

§ 20. Итакъ, слово можетъ разрастаться въ глубь и въ ширь, захватывая и сосѣднюю область и подвергая ее тому же процессу эволюціи, развитія.

Основныхъ частей слова, разъ оно уже—въ состояніи зерна прозябшаго, пустившаго ростокъ и корень,—двѣ ¹⁾: **корень** (соотвѣтствуетъ тому же названію у растенія) и—на концѣ—**флексія** (наиболѣе гибкая, подвижная часть, соотвѣтствующая измѣнчивому ростку), напримѣръ **вод**(=корень) + **а** (=флексія). Между основными частями могутъ вращаться

¹⁾ Ср. съ двумя—главными—членами предложенія.

и другія,—важныя, но не необходимыя для цѣльности, законченности слова,—части его, какъ напр. **суффиксъ** (подставка), —„вод—**н**—ый, сол—**ен**—ый, сол—**и**—ить“,—образующій своего рода переходной мостъ къ новой категоріи словъ—отъ существительныхъ къ прилагательнымъ и глаголамъ. Передъ корнемъ можетъ быть приростъ, называемый **приставкой**, напр. „на—вод—н—я—ть“ (состоитъ изъ 5 частей: **на**—приставка, **вод**—корень, **н**—суффиксъ прилагательнаго, **я**—суф. глагола и **ть**—флексія).—Два отдѣльныхъ слова могутъ срастаться въ одно цѣлое (новое), подобно близнецамъ двойнымъ орѣхамъ, желудямъ, при посредствѣ одной изъ двухъ **соединительныхъ гласныхъ** (**о** и **е**) или непосредственно (вод—**о**—воз—ъ, земл—**е**—дѣл—ецъ; Новгородъ, пятнадцать).—Флексія въ каждой данной формѣ слова (что лица человѣческія) можетъ быть только одна, корней—два, суффиксовъ и приставокъ—нѣсколько (напр. „не—про—из—вод—и—тел—ьн—ый расхоть“).

Граница между категоріями словъ раздвинута.

§ 21. Присмотрѣвшись поближе къ этимъ частямъ слова, мы увидимъ, что измѣнчивость, подвижность ихъ—различныхъ степеней.—Корень мѣняется лишь въ „потокѣ временъ“, очень медленно и, разъ принявъ необходимыя измѣненія, по требованіямъ смысла или подъ вліяніемъ звукового сосѣдства, остается неизмѣннымъ, проходя черезъ всѣ категоріи словъ (вод—а, вод—н—ый, на—вод—н—я—ть). Приведу образчикъ наибольшей подвижности корня: **вед** (вед—ешь, ведетъ и т. д.), **вод** (вод—ишь, вод—и—л—ъ, вод—и—тъ), **вес** (вес—ти), **вож** (вож—у, вож—ак—ъ), **важ** (вы—про—важ—ива—ю, —ешь и т. д.).—Присутствіе въ языкѣ формъ древнѣйшаго образованія наряду съ новообразованиями (**брад**—а=**бород**—а, **врат**—а=**ворот**—а; **прах**—ъ=**порох**—ъ и др.)—еще одна изъ причинъ образованія разновидностей корня, ведущая къ обогащенію языка.—Суффиксъ мѣняется чаще: при каждой смѣнѣ категоріи (части) рѣчи и, конечно, видоизмѣняется подъ вліяніемъ положенія среди другихъ звуковъ (мор—ъ, мор—**ов**—ой, мор—**и**—тъ; торг—**ов**—а—тъ, торг—**овл**—я). Флексія—крайне перемѣнчивая величина; она склоняется во всѣ стороны, подобно колосу при дуновеніи вѣтра.

§ 22. **Склоненіе и спряженіе.** Всѣ имена и мѣстоименія измѣняются по способу, называемому въ грамматикѣ **склоненіемъ**, т. е. смѣняя конечности (флексіи) словъ по требованію строя предложенія, соотвѣтственно съ измѣненіемъ смысла слова при постановкѣ его въ ряду и связи съ другими.—Всѣ глаголы—**спрягаются**, т. е. соединяются попарно—(какъ спрягаются для глубокой пашни тяжелымъ плугомъ крестьяне, имѣющіе по одной лошади или по парѣ воловъ)—съ мѣстоименіями (или существительными), причемъ соотвѣтственно всякой новой запряжкѣ мѣняется конечность слова, его флексія (я пиш—**у**, ты пиш—**ешь**, онъ пиш—**еть** и т. д.). Остальныя (четыре) части рѣчи ни тому, ни другому измѣненію въ конечностяхъ не подвергаются, и потому называются **неизмѣняемыми**.

§ 23. Обратимся къ разсмотрѣнію измѣненій именъ, каждаго въ отдѣльности, а потомъ перейдемъ къ спряженію, всюду отмѣчая попутно важное, существенное для правописанія.

Имя **существительное** есть грамматическое имя всякаго предмета (**одушевленнаго**,—надѣленнаго способностью самостоятельнаго движенія (человѣкъ), **неодушевленнаго**—не имѣющаго этой способности (дерево) и **умственного** (отвлеченнаго),—представляемаго лишь въ умѣ и воображеніи (идеаль, мысль) или явленія (процесса)—сіяніе, мерцаніе, движеніе).—Если имя присваивается одному предмету изъ всей группы того же вида, оно получаетъ названіе **собственного** (**Москва**—городъ, **Ивановъ**—ученикъ, **Волга**—рѣка и проч.) въ отличіе отъ прочихъ—**нарицательныхъ**¹⁾.

Къ одушевленнымъ предметамъ мы обращаемся съ вопросами: кто, кого, кому, кого, **къмъ**, о комъ?—а о неодушевленныхъ говоримъ: что, чего, чему, что, **чѣмъ**, о чемъ?

Приставимъ эти вопросы къ какому-нибудь существительному и будемъ давать отвѣты:

(Именительный).—Кто (говоритъ дѣтямъ сказку)?—Нян—я.

(Родительный).—Кого (нѣтъ сейчасъ въ дѣтской)?—Нян—и

(Дательный).—Кому (отдала мать ребенка)?—Нян—ѣ.

(Винительный).—Кого (любитъ дитя)?—Нян—ю.

(Творительный).—Кѣмъ (мы довольны)?—Нян—ею.

(Предложный).—О комъ (мы говоримъ)?—О нян—ѣ.

¹⁾ Разумѣется, и это величины подвижныя: „Собака“—можетъ быть собств. именемъ индійскаго вождя, а „Иванъ“—нарицательнымъ, для извозчика—„ванька“.

Это и есть склоненіе, при которомъ концы словъ **тапо-даютъ**, уклоняются отъ первоначальной формы (именительнаго падежа, называемаго **прямымъ**, въ отличіе отъ прочихъ, склонившихся, косыхъ, **косвенныхъ**) и замѣняются иными по новому вопросу. Эти измѣненія называются **падежами**. Имена ихъ, кромѣ звательнаго, (—звущаго предметъ къ говорящему и б. ч. сходнаго по формѣ съ именительнымъ, за исключеніемъ такихъ словъ, какъ **Господи** (при имен. **Господь**), **Боже** (при имен. **Богъ**) и др. ¹⁾),—напечатаны выше въ скобкахъ.

Тѣ же вопросы ставятся если рѣчь идетъ сразу, одновременно о двухъ или нѣсколькихъ однородныхъ (или разнородныхъ) предметахъ. Эти измѣненія, устанавливающія количество предметовъ, называются **числами**: единственное и множественное.—Конечно, при неодушевленныхъ предметахъ вмѣсто **кто?** ставится **что?**—Останавливаться на примѣрахъ излишне: ихъ всегда можно подыскать самому учащемуся.

Всѣ существительныя разбиваются на **три рода**: **мужескій** (отвѣчаетъ на вопросъ **мой**: домъ), **женскій** (—**моя**: книга) и **средній** (—**мое**: перо). Слова мужескаго и средняго рода мѣняютъ свои конечности по вышеприведеннымъ вопросамъ почти одинаково (столъ, стола, столу, столъ, столomъ, о столѣ; перо, пера, перу, пера, перомъ, о перѣ) и потому въ большинствѣ грамматикъ относятся къ одной группѣ склоненій, болѣе часто называемой первымъ склоненіемъ. Слова женскаго рода разбиваются на двѣ группы: слова на **а** и **я** обыкновенно относятъ ко второму склоненію (вода, воды, водѣ, воду, водою, о водѣ; воля, воли, волѣ, волю, волею, о волѣ), а слова на **ь**—къ третьему (кость, кости, коста, кость, костью, о кости) ²⁾.

¹⁾ Подъ вліяніемъ славянскаго, имѣвшаго особаго окончанія для звательнаго, въ современномъ малорусскомъ тоже сохранились особаго формы для звательнаго (сыну, мамо). Близость звательнаго съ именительнымъ видна и въ томъ, что первый, можетъ служить подлежащимъ (хотя во 2 лицѣ), напр. „чтобы Господи далъ намъ добраго здоровья“.

²⁾ Конечно, дѣленія эти трафаретны: есть слова на **а** и **я** мужескаго рода (по своему значенію, какъ „воевода, судья, Илья, Іона“ и проч.); есть слова, склоняющіяся по разнымъ склоненіямъ въ отдѣльных падежахъ (путь (м. р.), пути, пути, путь, путемъ, о пути), что даетъ основаніе нѣкоторымъ новымъ изслѣдователямъ дѣлить существительныя на 5 склоненій. Но для начинающихъ—это только камни преткновенія, когда они возведены въ правило, а исподволь, на практикѣ, усвоеніе ихъ сравнительно легко входитъ въ плоть и кровь учащихся. Къ такимъ же вопросамъ относится узнаваніе рода именъ сущ., употребляющихся лишь во множ. числѣ: если учащійся будетъ твердо знать по флексіямъ родъ сущ., то онъ скажетъ, какого оно рода.

Относительно правописанія флексій замѣтимъ одно лишь правило, остальные уклоненія должны быть усвоены практикой. Вотъ это основное положеніе: если въ предложномъ падежѣ (вопросы: о комъ? о чемъ? гдѣ?) (двухъ первыхъ склоненій) слышимъ звукъ **е**,—должны изображать его черезъ **ѣ** (о столѣ, о морѣ, о водѣ); то же относится и къ дательному падежу 2-го склоненія (водѣ, скалѣ). Всѣ прочія правила излишни: они или опираются на предыдущія познанія (относительно гортанныхъ и шипящихъ), или вытекаютъ изъ настоящаго, или, наконецъ, легче усваиваются на практикѣ, чѣмъ въ сложномъ правилѣ со многими исключеніями.

§ 24. **Имя прилагательное**—грамматическое имя для словъ, прилагаемыхъ къ существительнымъ (и заступающимъ ихъ мѣсто) для указанія, опредѣленія качествъ, свойствъ, взаимоотношеній послѣднихъ. Выше мы называли ихъ болѣе грубо (въ смыслѣ точности) словами—качества. Обычная, типичная роль прилагательныхъ въ предложеніи—служить опредѣленіемъ. Такъ какъ существительныя, къ которымъ прилагаются эти слова, бываютъ трехъ различныхъ родовъ,—естественно, что прилагательныя должны мѣнять свои конечности (склоняться) не только по падежамъ и числамъ, но и по родамъ (больш—**ой** домъ, больш—**ая** доска, больш—**ое** перо).

Одно и то же качество въ различныхъ предметахъ можетъ быть разныхъ степеней (одно дерево **крѣпкое**, другое—**крѣпче**, а есть и изъ всѣхъ деревьевъ **самое крѣпкое** или **крѣпчайшее**). Отсюда—прилагательныя, опредѣляющія въ предметѣ качество (такъ называемыя **качественныя**), должны имѣть особыя окончанія для трехъ степеней его: **положительной**, выражающей, приписывающей данному существительному качество, какъ лежащее, заложенное въ немъ, **сравнительной**, которая сопоставляетъ два или нѣсколько предметовъ и отмѣчаетъ въ одномъ изъ нихъ болѣе сильную или болѣе слабую степень наличности даннаго качества, и **превосходной**, отмѣчающей наивысшую или наименьшую долю искомаго качества въ одномъ изъ всѣхъ сопоставленныхъ предметовъ.

Прилагательныя, устанавливающія лишь отношеніе даннаго предмета къ другому, отношеніе между существительными (такъ называемыя **относительныя**, какъ желѣзный, волчій, братнинъ), **степеней сравненія**, конечно, не могутъ имѣть, пока не получаютъ переноснаго значенія (въ родѣ—деревян-

ная игра музыканта), открывающаго возможность перехода къ качественнымъ.

Образцовъ склоненій не привожу: они затрудненій не представляютъ. Необходимо только припомнить правило о гортанныхъ и шипящихъ (§ 17), да твердо замѣтить, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа имѣють конечную букву **е** прилагательныя для мужескаго рода, и **я**—для женскаго и средняго (за исключеніемъ такихъ относительныхъ, какъ—волч—**ьи**, медвѣж—**ьи**, братни^н—**ы**, сестрин—**ы**,—имѣющихъ для всѣхъ родовъ одинаковую флексію.

Относительно правописанія прилагательныхъ замѣтимъ еще слѣдующее: родит. падежъ ед. числа отъ прилагательныхъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ (слѣп^{ой}, больш^{ой}) имѣетъ флексію **ого** (дурн—ого, больш—ого); въ окончаніяхъ сравнительной и превосходной степени (**ѣе**, **ѣй**, **ѣйшій**) должно быть **ѣ**, гдѣ этотъ звукъ опредѣленно, ясно слышенъ, „не сомнителенъ“ (добрѣе, добрѣй, добрѣйшій, но легче, легчайшій).

Бываетъ иногда такъ, что въ мысли (и въ языкѣ) качество постепенно заслоняетъ самый предметъ, и тогда существительное сначала не произносится, а потомъ и въ мысли перестаетъ подразумѣваться, затушевывается, такъ что прилагательное начинаетъ исполнять роль (функціи) существительнаго, является, напр., подлежащимъ. Мы говоримъ: „спальная, гостиная, дѣтская (—безъ сущ. „комната“) —открыта“, или „слѣп^{ой}, глухой, нѣмой (—безъ сущ. „человѣкъ“) —пришель“.

§ 25. **Имя числительное**—грамматическое имя словъ, обозначающихъ количество (число) или порядокъ предметовъ (явленій, событій), напр. одинъ, первый. Отсюда дѣленіе числительныхъ на **количественныя** (—счетъ безъ точнаго указанія на взаимоотношеніе по пространству или времени между считааемыми предметами) и **порядковыя**, устанавливающія одновременно и количество предметовъ и расположеніе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. отмѣчающія въ предметѣ извѣстное свойство, качество.

— Количественныя числительныя склоняются какъ существительныя съ тою особенностью, что имѣють иногда параллельныя формы для всѣхъ 3 родовъ, такъ какъ прихо-

дится устанавливать количество предметов—существительных разных родовъ (два орѣха, двѣ доски, два яблока). Большая часть этихъ числительныхъ склоняется какъ существительныя 3-го склоненія (пять—двадцать—тридцать), сохраняя при сложеніи съ другими числительными способность склоняться каждой части отдѣльно по своему образцу (пять—десять, пятидесяти и т. д.; пятьсотъ, пятисотъ и проч.).—Образцы необходимо продѣлать устно и письменнo.—„Тысяча“ склоняется какъ существительное 2-го склоненія.—Особливо, своеобразно склоняются числительныя: одинъ (одна, одно), два (двѣ, два), три, четыре, сорокъ и сто.—На этихъ образцахъ остановиться повнимательнѣе.—Порядковыя числительныя въ склоненіи не отличаются отъ соотвѣствующихъ именъ прилагательныхъ.

— Относительно орѳографіи слѣдуетъ замѣтить, что черезъ **ѣ** пишется числительное **двѣ** и тѣ сложныя съ нимъ, въ которыхъ сохраняется это слагаемое въ неприкосновенности („двѣнадцать, двѣсти“, но „двухсотъ“ и т. д.).

§ 26. **Мѣстоименіе** есть замѣна одного изъ вышеразсмотрѣнныхъ 3 именъ (существительнаго, прилагат. и числительнаго) (человѣкъ=онъ, сѣрый=такой; пять=столько); это своего рода формула обобщенія, алгебраическій знакъ, раскрываемый подстановкой конкретной величины.—Соотвѣственно этому становится яснымъ разнообразіе способовъ измѣненія мѣстоименій и ихъ названій, разновидностей, въ грамматикѣ: **личныя**—замѣна лицъ (я—мы, ты—вы, онъ, она, оно—они, онѣ, они); **притяжательныя**—притягивающія предметъ къ тому или иному лицу, устанавливающія отношеніе между ними (мой, твой, свой (его), нашъ, вашъ, свой (ихъ)); **вопросительныя**—назначеніе коихъ ясно изъ самаго названія (кто? что? какой? чей? который? сколько?); эти же мѣстоименія безъ вопроса называются **относительными**; **опредѣлительныя** (такой, весь, самъ, самый, всякій, каждый, другой, иной,—обыкновенно замѣняютъ опредѣленія (имена прилагат. качественныя), а **неопредѣленные** или даютъ указаніе на признакъ, безъ точнаго установленія его (нѣкоторый, нѣсколько, нѣкто, нѣчто) или отрицаютъ предполагавшійся признакъ совсѣмъ (никто, ничто). Особнякомъ—единственное въ своемъ родѣ—стоитъ **возвратное** мѣстоименіе, пользующееся для именительнаго падежа фор-

мой отъ другого мѣстоименія (самъ). Склоняется оно, для всѣхъ родовъ и чиселъ одинаково, такъ: (род.) себя, (дат.) себѣ, (вин.), себя, (твор.), собою и (предл.) о себѣ.—Склоненіе мѣстоименій особое, (хотя неправильно склоняютъ ихъ рѣдко), поэтому образцы необходимо продѣлать тщательно, особенно отгвѣнить различіе въ склоненіи мѣстоименій, близкихъ по звукамъ: „самъ (самà, самò)“ и „самый (сàмая, сàмое)“.

Относительно орфографіи остановимъ вниманіе лишь на слѣдующемъ: **ѣ** пишется въ мѣстоименіяхъ единственнаго числа: **мнѣ** (о мнѣ), **тебѣ** (о тебѣ), **себѣ** (о себѣ), **кѣмъ**, **чѣмъ**, **тѣмъ**, **всѣмъ**, (но—„о всемъ“), **нѣкто**, **нѣчто**, **нѣсколько**; во множ. числѣ: **тѣ** и **всѣ**—во всѣхъ падежахъ; въ един. и во множ. ч. во всѣхъ родахъ и падежахъ—**нѣкоторый**. Мѣстоимѣніе „она“ имѣетъ въ един. числѣ, въ родит. пад. **ея**, а въ винит. **ее**. „Самъ“—въ един. ч. род. пад. муж. и средн. родовъ и вин. муж. р.—**самого**, а вин. женск. р.—**самой**.—Остальное легко выясняется изъ упражненій въ склоненіи.

Вотъ и всѣ **склоняемыя** части рѣчи.

§ 27. **Глаголь** проявляетъ во внѣ различныя дѣйствія, энергію, присущую предметамъ, „глаголетъ“, рассказываетъ о предметѣ, явленіи, событіи, (дерево скрипитъ, ледъ трещитъ и проч.).—Конечности свои онъ мѣняетъ въ зависимости отъ того, къ какому лицу (имени) присоединяется, согласуясь съ нимъ, **спрягаясь**. Отсюда измѣненія глагольных флексій называются **спряженіемъ**.

Лицъ, которыя ведутъ бесѣду между собою и о которыхъ можно побесѣдовать, всего три: первое—**я** (мы), второе—**ты** (вы) и третье—**онъ, она, оно** (они, онѣ, они), а равно и всякій предметъ (существительное) и всякая замѣна его.—Слѣдовательно, основныхъ измѣненій глагола въ конечностяхъ—три, а считая формы множественнаго числа—шесть: **я** пиш-у (мы пиш-емъ), **ты** пиш-ешь (вы пиш-ете), **онъ, она, оно** (или мальчикъ, дѣвочка, дитя и пр.) пиш-еть (они, онѣ, они, м—и, д—и, дѣти и пр. пиш-утъ).

Этимъ и заканчивалась бы способность измѣненія глагола, если бы дѣйствіе проявлялось только въ данный моментъ (сейчасъ, сегодня), но оно могло проявляться и вчера (въ прошломъ) и можетъ еще проявиться завтра (въ будущемъ). Отсюда—измѣненія глагола по 3 временамъ (настоящее, прошедшее и будущее) по тѣмъ же, упомянутымъ выше, 3 (6) формамъ.—Кромѣ того проявленіе дѣйствія можетъ на-

клоняться въ ту или иную сторону, принимать такой или иной характеръ, въ зависимости отъ желанія, замысла говорящаго или мыслящаго: только проявлять дѣйствіе въ разные моменты времени (т. н. **изъявительное наклоненіе**), соединять проявленіе съ условіемъ (**сослагательное** или условное наклоненіе, напр. „я писалъ бы“...), выражать повелѣніе, приказаніе, просьбу, пожеланіе говорящаго (пиши, пишите), пусть онъ пишетъ, пусть они пишутъ) (**повелительное наклоненіе**); наконецъ обозначать такое дѣйствіе, въ которомъ всѣ признаки опредѣленности его наклона устранены (**неопредѣленное наклоненіе**,—напр. „писать“) ¹⁾.—Въ прошедшемъ и будущемъ (рѣже и въ настоящемъ: лечу и летаю) временахъ дѣйствіе можетъ различаться по степени длительности: можетъ быть представленно мгновеннымъ, законченнымъ, завершеннымъ или, наоборотъ,—оставленнымъ наблюдателемъ, мыслителемъ въ тянущемся, длящемся, незаконченномъ видѣ. Эти **виды** дѣйствія называются: **несовершеннымъ** (я писалъ, я буду писать) и **совершеннымъ** (я написалъ, я напишу); иногда дѣйствіе принимаетъ видъ повторяющагося много разъ и называемаго **многократнымъ** (онъ пописывалъ и въ газетахъ).

Дѣйствіе (сила, энергія) можетъ быть заложено въ различныхъ предметахъ различно: въ однихъ безвыходно изъ изъ даннаго предмета, въ другихъ со способностью проявить дѣйствіе надъ самимъ собою или надъ другимъ предметомъ. Глаголы должны быть приспособлены для передачи во внѣ и этихъ признаковъ, свойствъ предметовъ: ихъ *залог* и есть такое приспособленіе. Конечно исконной разницы между залогами нѣтъ, такъ какъ нѣкогда,—по направленію къ прошлому все чаще,—нынѣшніе неодушевленные предметы были (въ мысли и языкѣ) живыми дѣйствующими лицами, б. ч. человѣкообразными. Поэтому и теперь возможенъ переходъ отъ одного залога къ другому. Основныхъ залоговъ можно считать два: **дѣйствительный** (со **страдательной** формой) (носить) и **средній** (сидѣть).—Въ первомъ дѣйствіе возникаетъ въ одномъ предметѣ и **переходитъ на другой** (лошадь топчетъ траву); если же дѣйствіе является полнымъ закон-

¹⁾ Эту послѣднюю форму обыкновенно считают за начальную для глагола, подобно тому, какъ въ склоняемыхъ частяхъ рѣчи началомъ слова считается имен. пад. ед. числа; многими она и къ ряду глагольныхъ не относится.

ченнаго смысла и безъ дополненія другимъ предметомъ, такой дѣйствительный глаголъ получаетъ новый оттѣнокъ значенія и становится **непереходнымъ**, среднимъ („онъ **слышитъ** райскіе **напѣвы**“—дѣйств. зал.; „онъ **слышитъ** хорошо“, т. е.—у него хорошій слухъ—средній).—Еще одно отличіе,—характерный признакъ,—дѣйствительнаго залога: дополнение, стоящее въ дѣйств. залогѣ, можетъ быть превращено, въ формальное подлежащее, („трава топчется лошадыю“), что для дополненій при среднемъ залогѣ немислимо. Значить, всякій непереходный глаголъ и будетъ **среднимъ**.¹⁾

Спряженій глагольныхъ два: первое проводятъ во флексіяхъ гласную **е** (вед-**о**шь, вед-**е**тъ, вед-**е**мъ, вед-**е**те), а второе—**и** (гляд-**и**шь, гляд-**и**тъ, гляд-**и**мъ). На неправильные глаголы, смѣшивающіе окончанія обоихъ спряженій и сохраняющіе остатки старинныхъ окончаній (бѣгу, дамъ, ѣмъ, есмь) должно быть обращено вниманіе при упражненіяхъ въ спряженіи.

Для созданія навыковъ въ правильномъ начертаніи глагольныхъ формъ (и другихъ,—какъ то всюду и проведено выше) весьма полезно обращаться къ графическому способу (напр. подчеркиванію буквъ, чаще другихъ служащихъ камнями преткновенія), т. е. почаще останавливать глазъ и слухъ (отчасти и осязаніе) на сомнительныхъ буквахъ, особенно **ѣ** и **ь**.

Изъ области теоретическихъ указаній въ этомъ направленіи сообщу два слѣдующія: 1) если глаголъ въ предшедшемъ времени оканчивается на **ѣлъ** (не **ѣль**—кромѣ „цвѣлъ“ и „пріобрѣлъ“), то во всемъ спряженіи прошедшаго времени и формахъ, отъ него образовавшихся, (именныхъ и глаголь-

¹⁾ Этимъ грубымъ (въ смыслѣ точности) дѣленіемъ можно на начальныхъ стадіяхъ обученія и ограничиться.—Для болѣе развито-го класса можно добавить, что дѣйствительный глаголъ, дѣйствіе коего возвращается на тотъ же предметъ, отъ котораго изшло, называютъ **возвратнымъ** (одѣваться—одѣвать себя, умываться—умывать себя); если между предметами, производящими дѣйствіе, происходитъ взаимный обмѣнъ дѣйствіями (я встрѣчаю его, а онъ встрѣчаетъ меня—мы встрѣчаемся; я борю его, а онъ боретъ меня—мы боремся),—такой залогъ называютъ **взаимнымъ**.—Для наглядности перехода отъ одного залога къ другому въ современномъ языкѣ, сравните: „колю, (рублю, рѣжу) дрова“ (д. з.), а „шведъ, русскій колетъ, рубитъ, рѣжетъ“ (средн. зал.) или „дѣлю имущество“ (д. з.) „мясо раздѣляется на части“ (страд. з.) и „я охотно дѣлюсь съ товарищемъ“—я подѣлчивъ (средн. зал.).

ныхъ) пишется **ѣ** (смотре**ѣ**ль, смотре**ѣ**тъ, усмотрѣ**н**ъ, усмотрѣ**н**іе и проч.); 2) **ь** пишется въ неопредѣленномъ наклоненіи (дѣ**л**ить, дѣ**л**иться) и во 2-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени и будущаго (дѣ**л**аешь, будешь дѣ**л**ать, сдѣ**л**аешь) ¹⁾.

§ 28. Въ языкѣ все живо, подвижно, приспособляемо къ потребностямъ мысли, дающей всему жизнь. Поэтому языкъ долженъ былъ создать перекидной мостъ между склоняемыми и спрягаемыми формами. Глаголь не всегда проявляетъ признаки, энергію предметовъ во внѣ, а иногда образуетъ формы, подобныя прилагательнымъ, задерживающія у предмета возникшее изъ него дѣйствіе, придающія дѣйствію характеръ состоянія, свойства, однако сохраняющія способность надѣлать эти признаки предмету въ одно время и отнимать ихъ въ другое. При потерѣ этой послѣдней способности такія отглагольныя формы всецѣло переходятъ въ разрядъ именъ прилагательныхъ, а затѣмъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ,—и въ существительныя.—„**Приводящій** въ движеніе локомотивъ паръ поступаетъ черезъ одну трубу, а **отработавшій** выпускается черезъ другую“—причастія; „**отработанный** паръ не есть работающій“—прич. съ уклономъ въ сторону прилагат.; „вкусно мясо **недожаренное** а рыба—**переваренная**“—прилагат. съ остатками глагольности; „вареное мясо менѣе питательно, чѣмъ жареное“—прилагат.; подали на столъ жареное“ (т. е. жаркое)—имя существительное). ²⁾

Эти отглагольныя формы называются **причастіями**—настоящаго и прошедшаго времени (причастій будущаго времени, если не считать за таковую форму „будущій“,—въ русскомъ языкѣ нѣтъ) и склоняются какъ прилагательныя.

Такимъ образомъ мы можемъ получить въ мысли и рѣчи построеніе, въ которомъ стоятъ рядомъ двѣ глагольныя формы съ различными функціями (отправленіями). напр. „низко **летѣвшій** (глаголь—опредѣл.) шаръ **зацѣпился** (глаголь—сказуемое) за дерево“.

Отглагольной же формой можетъ быть выражено и обстоятельство, при наличности коего предметъ можетъ проявлять то или иное дѣйствіе (напр. „**разогрѣваясь** отъ тренія, дерево загарается; **разогрѣвшись** отъ тренія, дерево за-

¹⁾ Въ повелительномъ наклоненіи наличность его очевидна для слуха (стань—станьте).

²⁾ Ср. насѣкомое, мороженое, приданое и проч.

горѣлось“), причѣмъ это обстоятельство можетъ въ одно время (напр. настоящее) сопутствовать дѣйствию (явленію), въ другое (въ прошедшемъ) отпадать.—Эти отглагольныя формы, называемыя **дѣепричастіями**, представляютъ особый видъ неизмѣняемой части рѣчи, ¹⁾ близкой къ нарѣчію.

Правописаніе причастій тѣсно связано съ ихъ функціей: причастія прошедшаго времени страдательной формы пишутся черезъ **нн**, пока не перешли въ разрядъ прилагательныхъ или существительныхъ,—въ этомъ послѣднемъ состояніи—черезъ **н** („выученный урокъ помнится хорошо“; ученое легче припоминается; ученый сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ).

§ 29. **Нарѣчіе**,—какъ показываетъ само названіе,—образовывалось изъ различныхъ измѣняемыхъ частей рѣчи въ тѣхъ формахъ, которыя жизнью языка исподволь превращались въ неподвижныя, омертвѣлыя окаменѣлости (вчера=въчера, т. е. вечера; сегодня=сего дня; верхомъ—замершій творит. падежъ отъ „верхъ“; пусть—изъ „пусти“; хотя—дѣепричастіе въ омертвѣлой формѣ и т. д.). Это—неизмѣняемая, но знаменательная часть рѣчи: она въ предложеніи играетъ свою роль,—является однимъ изъ членовъ его—обыкновенно обстоятельствомъ словомъ.—Въ дальнѣйшей жизни, переходя въ разрядъ сосѣднихъ частей рѣчи, уже потерявшихъ и знаменательность, нарѣчіе теряетъ способность быть членомъ предложенія, играть въ немъ активную роль (напр.—„онъ стоялъ **возлѣ** (нарѣчіе) и молчалъ“, „онъ стоялъ **возлѣ** (предлогъ) дома“).

Нарѣчія образовавшіяся отъ застывшихъ формъ качественныхъ прилагательныхъ, сохранили способность измѣняться по степенямъ сравненія, принимать для каждой иной окончанія (тепло, теплѣе, очень тепло), но каждая изъ этихъ формъ, конечно, неизмѣняема (по падежамъ). Самый процессъ этотъ напоминаетъ исторію отглагольныхъ формъ.—Правописаніе ихъ аналогично съ соотвѣтствующими фор-

¹⁾ Эта обособленная въ значительной мѣрѣ отъ глаголовъ жизнь причастій и дѣепричастій подала поводъ нѣкоторымъ новѣйшимъ грамматистамъ (быть можетъ по аналогіи съ франц. *participe*) признать эти отглагольныя формы за особыя (IО и II) части рѣчи.—Считаю это для школьнаго курса нежелательнымъ: въ трудный и безъ того грамматическій анализъ вносится „новая палка въ колесо“.—На мой взглядъ, это—лишь одинъ изъ многочисленныхъ—болѣе выпукло опредѣлившихся—путей перехода отъ знаменательныхъ, полныхъ, измѣняемыхъ частей рѣчи къ состоянію служебному.

мами прилагательныхъ.—Относительно правописанія всѣхъ вообще нарѣчій замѣтимъ слѣдующее. Почти всѣ нарѣчія имѣющія конечнымъ звукомъ (или въ конечномъ слогѣ) **е**, изображаютъ этотъ звукъ черезъ **ѣ** (возлѣ, нынѣ, здѣсь, покамѣсть и проч.), за исключеніемъ: „крайне, втуне, вообще, вовсе, прежде, еще“. Изъ нарѣчій, въ которыхъ на концѣ слышенъ твердый согласный звукъ, пишутся съ **ѣ** на концѣ только четыре: „вверхъ, внизъ, покамѣсть, ужъ“ (но лишь, сплошь, наотмашъ и др.). Если въ концѣ нарѣчія стоитъ сомнительный гласный, его надо изображать черезъ **а** (справа, слѣва, издавна и др.—это формы окаменѣлаго родит. падежа).

§ 30. **Предлогъ**,—часть рѣчи неизмѣняемая и незначительная,—служебная: помогаетъ измѣненію жизни словъ, переходу отъ одной части рѣчи къ другой, изъ одного члена предложенія въ другой.—Характерною чертою для этой части рѣчи, отличающей отъ остальныхъ служебныхъ, является то обстоятельство, что она у склоняемыхъ словъ непременно требуетъ перемѣны окончанія именительнаго (звательнаго) падежа на какой-либо иной и пишется съ такими словами **раздѣльно**, со спрягаемыми же и неизмѣняемыми **сливается**, образуя новое слово, придавая новый отглагольный („опираюсь на право свое; поворачиваю направо; нахожу дорогу“).

Нѣсколько замѣчаній о правописаніи. **Воз, из, низ, раз**,—сливаясь со словами, начинающимися съ **отзвучной** (ср. **п** и **б, х** и **г**) согласной (кромѣ **с**), замѣняютъ свою конечную согласную черезъ **с** (напр. восходъ, но „возговори́тъ“; испугъ, но „избрани́е“; ниспускать, но „низринуться“; распухать, но „разбухать“; однако—„возста́вать, изслѣдо́вать, разселя́ться“ и др.).

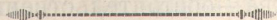
Пре (=пере) и **при** придаютъ словамъ, съ коими сливаются, различный смыслъ, потому и на письмѣ д. б. строго различаемы: **пре** означаетъ прекращеніе, прерываніе дѣйствія, установленіе границъ, ограниченіе (прервать рѣчь, перервать питку, предѣльный срокъ, „къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы“), а **при**, наоборотъ,—расширеніе прежняго, увеличеніе, ростъ его (пристройка къ дому, придѣлъ въ храмъ, приходъ денежный и проч.). **Раз**, перетягивая со слова, съ которымъ сливается, удареніе на себя, измѣняется въ **роз** (разбѣрь, но рѣздыхъ).

§ 31. **Союзъ**—служебная часть рѣчи, соединяющая, свя-

зывающая между собою отдѣльныя слова или предложенія, не измѣняя ихъ формъ,—можетъ быть поставлена рядомъ съ любимъ словомъ, но слиться съ нимъ не можетъ. Нѣкоторые изъ союзовъ сохранили обличье, внѣшній видъ (звуковой, а иногда и письменный) знаменательныхъ словъ, но стоитъ вникнуть въ смыслъ ихъ, значеніе для предложенія (они ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть членомъ предложенія и даже составною частью его), и написаніе ихъ станетъ яснымъ: союзъ всегда **одно** цѣлое слово, а родственныя однозвучныя части рѣчи составныя, **двойныя** [онъ **тоже** играетъ=**и** онъ играетъ, но онъ **то же** играетъ, что и ты=играетъ то же (произведеніе музыкальное), одинаковое съ тобою; онъ **также** готовилъ урокъ=**и** онъ готовилъ урокъ, но—онъ **такъ же** (хорошо или дурно) готовить урокъ, какъ и его братья; я хочу **чтобы** ты былъ веселъ,—но я не знаю, **что бы** (какое слово, какой отвѣтъ—дополненіе) онъ мнѣ отвѣтилъ; онъ не успѣваетъ **потому**, что невнимателенъ, но—онъ не успѣлъ пройти **по тому** полю, что засѣяно].

Къ союзамъ ближе всего стоятъ и различныя служебныя частицы, въ родѣ: жѣ, же, ли, то и проч.

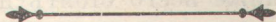
§ 32. **Междометіе**—служебная часть, отличающаяся отъ предыдущей (союза) тѣмъ, что и связывающаго значенія лишено, (почему нѣкоторые не признаютъ его даже за часть рѣчи, что, по приведенному выше опредѣленію частей рѣчи, недопустимо). Оно выражаетъ не мысли или связи между мыслями, а настроенія говорящаго или мыслящаго. Это восклицанія, изображающія горе, радость удивленіе и проч., или же—звуки не человѣческой рѣчи, а подражанія крикамъ животныхъ скрипу дерева, завыванію бури и проч. Съ этой точки зрѣнія мѣстоименія, какъ стоящія на грани языка человѣческаго и животныхъ, могутъ быть поставлены за предѣлами человѣческой рѣчи. Правописаніе ихъ ясно само собою.

Замѣтить вышеизложенные характерные признаки частей рѣчи необходимо, и подтверже, но руководствоваться исключительно ими при разборѣ грамматическомъ,—анализѣ живой человѣческой рѣчи,—совершенно не возможно: никакъ нельзя отвѣтить, какой членъ предложенія составляетъ любое отдѣльное слово, и—большой рискъ, впасть въ грубѣйшую ошибку логической классификаціи, отвѣчая на вопросъ,

какая часть рѣчи то же отдѣльное слово. Познаніе правильное и точный отвѣтъ на такіе вопросы возможны только въ контекстѣ, въ связномъ цѣломъ, въ предложениі 1).—Какіе члены предложения, какія части рѣчи слова: „стекло, покрывало, просто, мой“?—Не знаю, отвѣтить на такой вопросъ осмысленно не могу: данныхъ для рѣшенія задачи слишкомъ мало. Заключимъ эти слова въ такую или иную обстановку (словесную, умственную), и отвѣтъ, при наличности соотвѣтствующаго запаса грамматическихъ познаній, станетъ ясенъ: „стекло разбилось“ (=подл.; имя сущ.) „масло **стекло**“ (=сказ.; глаголь); „**покрывало** сняли“ (=дополн.; имя сущ.); „облако небо **покрывало**“ (=сказ.; глаголь); „**просто** одѣлся“ (=обст. обр. дѣйствія; нарѣчіе); „рѣшеніе задачи **просто**“ (=сказуемое; имя прилагательное); „**мой** платокъ упалъ“ (=опредѣл.; мѣстоим.); „**мой** бѣлье почище“ (=сказ.; глаголь).

Замѣчаніе это крайне важно: оно лежитъ въ основѣ пониманія дальнѣйшихъ усложненій, совершенствованій человѣческой мысли и рѣчи, къ коимъ и переходимъ.

§ 33. Опытъ людей постепенно собираетъ у предмета (явленія) цѣлые ряды признаковъ, его опредѣляющихъ, обстоятельствъ, сопутствующихъ проявленію имъ того, или иного дѣйствія. Мысль съ трудомъ обнимаетъ это обширное единое: требуется расчлененіе его, является необходимость въ болѣе—менѣе самостоятельной, сначала хотя бы вассальной жизни отдѣльныхъ крупныхъ частей. Въ каждомъ изъ членовъ предложения кроется зародышъ новаго предложения, шире, опредѣленнѣе, точнѣе служащаго тѣмъ же цѣлямъ, которымъ служилъ отдѣльный членъ предложения, т. е. изъ опредѣленія можетъ возникнуть (развиться) опредѣлительное предложение, изъ дополненія—дополнительное, а изъ любого обстоятельства—обстоятельственное.

1) А разъ будутъ точно установлены для даннаго контекста входящія въ составъ его части рѣчи, тогда и установленіе членовъ предложений не представитъ затрудненій: „Какъ личный глаголь есть тѣмъ самымъ сказуемое, какъ имя въ именительномъ, несогласуемое съ другимъ, есть подлежащее, имя въ косвенномъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ, есть дополненіе, а согласуемое имя въ любомъ падежѣ, есть опредѣленіе или часть сказуемаго, такъ и обстоятельству присвоена особая форма --нарѣчіе“. (Потебня „Изъ запис. по рус. грам.“, стр. 151).

Такъ изъ **простого** предложенія исподволь вырѣвается **сложное**.—Остановимся вкратцѣ на подготовительныхъ къ этому процессахъ. Предложеніе простое, имѣющее въ наличности оба главныхъ члена (сказуемое и подлежащее), называется **полнымъ** („птица летитъ“), при пропускѣ подлежащаго и возможности его подразумѣвать—**неполнымъ** („лаетъ“); при отсутствіи и невозможности возстановить подлежащее—**безличнымъ** („свѣтаетъ, вечерѣетъ“¹⁾). Прибавленіе любого второстепеннаго члена къ одному изъ предыдущихъ видовъ дѣлаетъ предложеніе **распространеннымъ** („птица летитъ высоко“). Удвоеніе и вообще увеличеніе количества однородныхъ членовъ въ одномъ предложеніи предполагаетъ первоначально отдѣльную жизнь, въ особыхъ предложеніяхъ, однороднаго, впослѣдствіи объединившагося, слившагося въ одно цѣлое. Отсюда названіе такихъ предложеній **слитными**, объединяющими простѣйшія однородныя цѣлыя („журавль, гусь, лебедь летятъ высоко“).

На дальнѣйшей стадіи мысли необходимо охватить, какъ цѣлое, два совершенно самостоятельныхъ предложенія. На помощь въ такихъ случаяхъ обыкновенно приходитъ служебный союзъ, какъ формальный выразитель внутренней связи между этими отдѣльными цѣлыми. По способу **сочиненія**,—т. е. поставленія въ зависимость на равныхъ правахъ и обязанностяхъ, въ парной, дышловой упряжѣ,—образуется чрезвычайно важное, новое, крупное цѣлое—**сложное** предложеніе („вѣтеръ подулъ и листья затрепетали“). Это параллельное (паратактическое) сопоставленіе явленій, актовъ („нападовъ“) мысли богато послѣдствіями: здѣсь—корни установленія послѣдовательной связи, а затѣмъ и причинной зависимости.

Если мысль выдвинетъ одно изъ этихъ, первоначально равноправныхъ, предложеній хоть чуточку впередъ, признаетъ одно болѣе нужнымъ, болѣе важнымъ для себя, чѣмъ другое,—параллелизмъ исчезнетъ: одно станетъ въ зависимость (сначала почти неуловимую) отъ другого; одно сдѣлается **главнымъ**, подчиняющимъ, а другое—**придаточнымъ**, зависимымъ, подчиненнымъ.—Мысль владѣетъ тѣмъ же могучимъ орудіемъ, но уже усовершенствованнымъ: создано тоже **сложное** предложеніе, но по способу **подчиненія** (такъ называемый

¹⁾ Конечно, эти разновидности не раздѣлены мертвыми гранями: всѣ, напр., безличные были нѣкогда личными.

гипотактический строй) („листья затрепетали, значить вѣтеръ подулъ“; „листья затрепетали, потому что вѣтеръ подулъ“).

Итакъ простѣйшее **сложное** предложеніе будетъ **двучленнымъ**, (подобно простому предложенію), но членами его являются уже цѣлыя предложенія, главное—въ роли сказуемаго, безъ котораго нѣтъ смысла въ сложномъ, а придаточное—въ роли подлежащаго, безъ котораго нѣтъ цѣлаго (въ данномъ случаѣ—сложнаго предложенія). Конечно, число членовъ сложнаго предложенія можетъ расти въ связи съ расширеніемъ запросовъ мысли.

§ 34. Прежде чѣмъ перейти къ подробному (детальному) разсмотрѣнію жизни и исторіи образованія и развитія разновидностей предложеній, считаемъ необходимымъ остановиться на внѣшнихъ (письменныхъ и печатныхъ) знакахъ, раздѣляющихъ зародыши предложеній или уже развитыя предложенія другъ отъ друга,—на такъ называемыхъ **знакахъ препинанія**.

Въ живой рѣчи, какъ и въ музыкѣ, мы непремѣнно дѣлаемъ остановки, паузы, которыми придается отдѣльнымъ словамъ болѣе важное значеніе („А онъ, мятежный, проситъ бури“) въ ряду другихъ, придается особый смыслъ. Эти паузы на письмѣ передаются особыми значками (. ; , : ! ? — ...).

— Основныхъ знаковъ препинанія два: точка (.) и запятая (,), остальные—лишь замѣны того или иного изъ основныхъ. Важно установить строгую грань между двумя основными, и ученіе о знакахъ препинанія будетъ усвоено сравнительно легко. (Конечно, до теоретическаго изученія должны быть продолжительныя практическія упражненія).

Полная пауза, соотвѣтствующая музыкальной въ 4 такта, —цѣлой,—обозначается **точкой**; она выражаетъ, что между предложеніями, раздѣленными этимъ знакомъ связь или очень отдаленная, или ея нѣтъ совсѣмъ („Дождь идетъ. Мостовая перестала быть пыльной“. — „Дождь идетъ. Рюрикъ—русскій князь“).

Запятая занимаетъ противоположный край, выражая ближайшую связь между членами предложенія (по преимуществу однородными) или отдѣльными предложеніями (иногда зародышъ или остатокъ предложенія вырастаетъ въ средину,

начало или конецъ цѣлаго предложенія) („Шведъ, русскій колеть, рубить, нѣжетъ“. „Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ“. „Во-первыхъ, ты долженъ выучить урокъ“ и т. д.).

Послѣ точки и замѣняющихъ ее знаковъ пишется прописная буква, въ остальныхъ случаяхъ—строчная (малая).

Вопросительный (?) и восклицательный (!) знаки и многоточіе (...) могутъ замѣнять и точку и запятую, прочіе знаки—только запятую. („Какъ воздухъ чистъ!—Книга упала“.

„А видѣлъ-ли слона? а медвѣдя? а верблюда?“

„Я многое могъ-бы вамъ сказать... Впрочемъ, это къ дѣлу не относится“.

„Я сказалъ бы... подумалъ бы... повѣрилъ бы этому“).

Точка съ запятою (;) связываетъ далеко отстоящія другъ отъ друга мысли, ослабляя ихъ отдаленность, (выражаемую обычно точкой), и все же оставляя ихъ на должной дистанціи, усиливая запятую: „Деревья трещали. Люди укоряли шаги“.

— „Зимнее утро: былъ морозъ; деревья трещали; люди ускорили шаги“.

Двоеточіе тоже усиливаетъ малую паузу (запятую), чаще всего замѣщая пропущенное служебное слово (v. слова) („Солома загорѣлась, потому что въ нее бросили спичку“. — „Солома загорѣлась: въ нее бросили спичку“). Двоеточіе, вводящее въ предложеніе чужія слова, какъ бы замѣняетъ точку, и потому обыкновенно въ этихъ случаяхъ требуетъ послѣ себя прописной буквы. (Онъ сказалъ: „Идите сюда“).

Всякое предложеніе непременно отдѣляется отъ другаго какимъ-либо знакомъ (кромѣ краткихъ, соединенныхъ союзомъ и).

§ 35. Всѣ придаточныя предложенія распадаются на двѣ крупныя категоріи, неравныя: къ одной относятся только опредѣлительныя, къ другой—всѣ остальные.

Отличать ту и другую группу легко: необходимо разыскать въ главномъ предложеніи то слово, къ которому относится данное придаточное предложеніе; если это подчиняющее слово склоняемое, то зависящее отъ него придаточное—**опредѣлительное**. („Домъ, въ которомъ мы раньше жили, проданъ; домъ, гдѣ мы жили, проданъ; домъ, куда мы часто ходили, проданъ“. „Слѣпой, который пришелъ сюда, умѣетъ читать“. „Двое, которые къ намъ поближе, молчали“. „Тому,

кто трудится, пожелаемъ здоровья“. „Унесенное, о которомъ говорилось на судѣ, не розыскано“ и проч.).

Остальныя придаточныя или **дополнительныя**, если развились изъ дополненія („я знаю о его приходѣ“—„я знаю, что онъ пришелъ“), или различныя **обстоятельственныя**, смотря по тому, изъ какого обстоятельственного слова возникали (я, шель уже вечеромъ—я шель, когда былъ уже вечеръ“—обст. времени; „я шель лѣсомъ—я шель тамъ, гдѣ былъ лѣсъ“—обст. мѣста; „я летѣлъ стрѣлой—я летѣлъ, какъ (летитъ) стрѣла“—обст. образа дѣйствія; „я не былъ въ классѣ по болѣзни—я не былъ въ классѣ, потому что былъ боленъ“—обст. причины; „я иду на охоту—я иду, чтобы поохотиться“—обст. цѣли).

§ 36. **Придаточныя опредѣлительныя** наиболѣе употребительны: простѣйшій путь къ познанію—собираніе возможно большаго числа признаковъ, свойствъ, качествъ искомаго, познаваемаго.—Это путь установленія существеннаго признака (v. признаковъ) обслѣдуемаго, путь образованія понятія о немъ, чѣмъ и объясняется необычайное богатство внѣшнихъ формъ для образованія опредѣлительныхъ предложений, которыя могутъ подчиняться главному и при посредствѣ мѣстоименій (который, какой, чей, кто, что), и нарѣчій (гдѣ, куда, откуда), и причастій, и прилагательныхъ. Очевидно, все это—пути, способы наиболѣе рельефнаго, нагляднаго расположенія отысканныхъ признаковъ, разносторонне освѣщающихъ искомое.

Способъ подчиненія придаточныхъ опредѣлительныхъ при посредствѣ причастій и прилагательныхъ принято называть (не совсѣмъ правильно ¹⁾) **сокращеніемъ** этихъ предложений.—Точнѣе—это особый приѣмъ мысли, новый методъ изслѣдованія въ такомъ направленіи: необходимо установить, сохраняются-ли собранные предыдущими способами многочисленные признаки и свойства обслѣдуемаго явленія только въ данный моментъ, или присущи ему во всякое время, т. е.—

¹⁾ Этому противорѣчитъ историческая точка зрѣнія: обороты съ причастіями болѣе ранни, чѣмъ обороты съ „иже“, и исторія развитія этихъ послѣднихъ иная. Но съ точки зрѣнія современной, если принимать во вниманіе лишь явленія языка, находящіяся въ нашемъ теперешнемъ полѣ зрѣнія, этотъ терминъ можно сохранить.

существенные-ли, коренные-ли это признаки, входят-ли они въ составъ даннаго понятія. Такъ: „желѣзо—горячее, черное, красное, бѣлое, твердое, мягкое, холодное“,—все это признаки свойственные желѣзу, но между собою по существу находящіеся какъ-бы въ противорѣчїи, требующемъ дальнѣйшаго шага мысли, новаго луча свѣта, для приданія имъ связности, стройности гармонїи.—Если мы изъ всѣхъ этихъ опредѣленій разовьемъ полныя опредѣлительныя предложенія („желѣзо—такой предметъ, который бываетъ горячимъ, который обыкновенно имѣетъ черный цвѣтъ“ и т. д.),—къ рѣшенію вопроса станемъ нѣсколько ближе. Возьмемъ еще примѣръ: „Растеніе, которое вчера обожгло мою руку, отъ прикосновенія къ которому—нѣсколько дней тому назадъ—лицо мое покрылось волдырями, отъ укуса коего такъ долго плакалъ мой маленькій братишка, а сегодня у меня долго щемила шея,—называется крапивой“.—Выдѣляется такимъ образомъ въ мысли признакъ—неразлучный, постоянный, характерный для этого предмета: „растеніе, обжигающее лицо, руки, шею человѣка—при всякомъ прикосновенїи къ нему,—крапива“. Еще короче та же мысль: „крапива—растеніе, жгущее при всякомъ прикосновенїи къ нему“. Выводъ: „крапива—жгучая“.—На слѣдующихъ стадїяхъ мысли этотъ выводъ является обыкновеннымъ признакомъ (съ тою лишь разницею отъ вышеприведенныхъ—„горячее, черное“ и проч., что онъ существенно важный), отличающимъ этотъ предметъ (вообще), какъ родъ, какъ видъ, отъ другихъ, схожихъ, напр. „эта крапива жгучая“, а та „глухая“ ¹⁾.

Добывъ для cadaго предмета путемъ, выше описаннымъ, существенный признакъ его, мысль снова возвращается къ прежней (болѣе простой и болѣе привычной) формѣ своего обслѣдованія,—собиранію признаковъ, развитію изъ нихъ предложеній и т. д., но уже орудуетъ не „первымъ рядомъ цифръ“, не единицами, а уже, скажемъ, десятками, сотнями и тысячами собранныхъ воедино однородныхъ величинъ.

Такимъ образомъ, при помощи этого „сокращенія“ придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній усложняется, ступается человѣческая мысль. Поэтому необходимо, хотя

¹⁾ Такъ создается цѣлый рядъ прилагательныхъ, необходимыхъ для созданія новаго понятія: „морская свинка, Божья коровка, грецкій орѣхъ“ и т. п.

вкратцѣ, остановиться на формальной сторонѣ этого процесса.

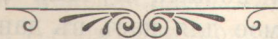
Не будемъ забывать, что сказуемое всякаго предложенія выражается непремѣнно глагольною формою съ личнымъ окончаніемъ, а въ **составное** опять-таки входитъ такая же глагольная форма,—только большей частью отъ вспомогательныхъ глаголовъ,—иногда въ рѣчи опускаемая (и обыкновенно замѣняемая на письмѣ посредствомъ—„тире“), но въ мысли живущая всегда („я (есмь) боленъ“, но обязательно—„я **быль** боленъ, я **буду** боленъ“).

При „сокращеніи“ изъ подлежащаго и сказуемаго въ придаточномъ предложеніи должна получаться одна, свернутая, форма съ признаками глагольности, каковой и является причастіе: („Упалъ въ воду человекъ, который стоялъ у набережной=Упалъ въ воду человекъ, стоявшій у набережной“). Время причастія то же, что было и въ глагольной личной формѣ (конечно, если оно—будущее, сокращеніе невозможно: такой причастной формы нѣтъ). Если мѣстоименіе („который“), стоящее въ началѣ придаточнаго замѣняетъ подлежащее (стоитъ въ им. пад.), причастіе будетъ дѣйствительной формы, если же—прямое дополненіе (вин. пад. безъ предл.), образуется страдательная форма причастія; всѣ остальные падежи (мѣстоименія „который“) препятствуютъ сокращенію. Разумѣется, по сокращеніи, причастная форма согласуется въ родѣ, числѣ и падежѣ съ тѣмъ словомъ главнаго предложенія, къ которому относится придаточное, (такъ какъ сокращеніе возвращаетъ предложеніе на путь опредѣленія, въ разрядъ прилагательныхъ). („Отдай человекъ, который приноситъ намъ письма, вотъ эту посылку=Отдай человекъ, приносящему намъ письма, вотъ эту посылку“).

Если „сокращенію“ подвергнемъ придаточное опредѣлительное съ составнымъ сказуемымъ (изъ вспомогательнаго глагола и имени прилагательнаго,—только этотъ видъ и можетъ сокращаться), то причастіе вспомогательнаго глагола въ настоящемъ времени (какъ то обычно и для личныхъ формъ наст. вр. вспомог. глагола „быть“) будетъ опущено (но появится въ прошедшемъ), а прилагательное—сказуемое приметъ, вмѣсто усѣченной, полную форму. („Человекъ, который (есть) **боленъ** желудкомъ, долженъ быть остороженъ въ пищѣ=Человекъ, **больной** желудкомъ, долженъ быть остороженъ въ пищѣ“.—„Человекъ, который разъ уже

былъ боленъ, становится осторожнѣе=Человѣкъ, бывшій уже хоть разъ **больнымъ**, становится осторожнѣе“).—Въ послѣднемъ примѣрѣ вспомогательный глаголѣ получаетъ значительную долю знаменательности, своего особаго смысла, если же этого нѣтъ, то и прошедшее причастіе можетъ быть опущено. („Въ больницу пришелъ старикъ, который **былъ боленъ** ногами“=или „**больной** ногами“, если онъ и сейчасъ боленъ, т. е. въ связкѣ знаменательности,—указанія на минувшее состояніе,—нѣтъ; или „**бывшій больнымъ** (в. болѣвшій) ногами“, т. е. излѣчившійся къ этому времени,—вспомогательный глаголѣ—знаменателенъ).

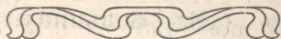
При такомъ сокращеніи придаточныхъ опредѣлительныхъ, когда прилагательное отгѣсняетъ глаголѣ (связку) на второй планъ,—наблюдаемъ линію раздѣла между сложнымъ и простымъ предложениемъ: „Человѣкъ, который (есть) боленъ, становится раздражительнымъ=Человѣкъ **больной** становится раздражительнымъ=Болѣной **человѣкъ** становится раздражительнымъ“.—„Человѣкъ, который тяжело боленъ, не встаетъ съ постели=Человѣкъ, тяжело **больной**, не встаетъ съ постели=Тяжело **больной** **человѣкъ** не встаетъ съ постели“.—Такимъ образомъ, по сокращеніи прилагательнымъ, это послѣднее еще нѣкоторое время остается заряженнымъ долей глагольности, сохраняетъ едва замѣтную долю способности проявлять признакъ во-внѣ ¹⁾ (ср. „А онъ, **мятежный**, просить бури“), но съ теченіемъ времени эта способность утрачивается, и прилагательное (на мѣстѣ бывшаго предложенія) начинаетъ исполнять свою обычную роль—опредѣленія и занимаетъ свое обычное мѣсто (передъ опредѣляемымъ). Значить, и въ этомъ явленіи, и въ этомъ процессѣ, тотъ же путь, та же цѣль, тотъ же смыслъ, какъ и при сокращеніи причастіями: сгущеніе мысли на ряду съ краткостью формы.

§ 37. Всѣ остальные придаточныя, какъ сказано выше, относятся къ прочимъ—(кромѣ склоняемыхъ)—частямъ рѣчи главнаго предложенія и разбиваются на двѣ группы: 1) по-

¹⁾ Ср. теперешнія „приложенія“ (особый видъ опредѣленій, выражаемыхъ существ., согласуемыми съ опредѣляемыми—„Петру Первому, **Императору Русскому**, дано прозваніе Великаго“) съ древними оборотами, въ родѣ „Переяславци же, дерзи сущи, поѣхаша напередъ“.

полняющія, точнѣе выражающія дѣйствіе глагола, — **дополнительныя** и 2) выясняющія обстоятельства, при которыхъ проявляется, можетъ или должно проявиться такое дѣйствіе, — **обстоятельственные**.

Дополнительныя предложенія возникаютъ изъ дополненій, для приданія дѣйствію разнообразныхъ оттѣнковъ: отношенія его къ тому или иному времени, отношенія къ нему говорящаго (мыслящаго) въ настоящемъ и въ прошломъ (отношеніе можетъ, вѣдь, перемѣняться). Всѣ эти новые запросы болѣе развитого ума не укладываются въ дополненія, разрываютъ эту тѣсную оболочку и создаютъ болѣе сложное цѣлое. Такъ: „я знаю о его пріѣздѣ сюда“ содержитъ въ зародышѣ очень разнообразные оттѣнки мысли, въ родѣ слѣдующихъ: „Я знаю, **что** онъ пріѣзжаетъ сюда“ (т. е. „неоднократно бываетъ здѣсь“, или просто: „приближается сюда“); „я знаю, **что** онъ пріѣзжалъ (v. пріѣхалъ) сюда“; „я знаю, что онъ будетъ пріѣзжать (v. пріѣдетъ) сюда“. А если перемѣнимъ подчиняющій союзъ (что) и замѣнимъ разновидностью, получимъ возможность, кромѣ только что отмѣченныхъ оттѣнковъ самаго дѣйствія, передавать другимъ и наше отношеніе къ такому или иному проявленію дѣйствія во-внѣ („Я хочу, жду его пріѣзда сюда“ и „Я жду, **чтобы** онъ пріѣхалъ (v. пріѣзжалъ) сюда“. — „Я слыхалъ о его пріѣздѣ сюда“ и „Я слыхалъ, **будто** онъ пріѣзжаетъ (v. пріѣзжалъ, пріѣхалъ, будетъ пріѣзжать, пріѣдетъ) сюда“. Въ послѣднемъ примѣрѣ, каждое изъ этихъ видовъ дѣйствія (въ отдѣльности или въ соединеніи) подвергается сомнѣнію, недовѣрію со стороны говорящаго.

Освѣтивъ этими новыми лучами мысли всѣ оттѣнки, выбираемъ необходимое для насъ въ данномъ случаѣ, какъ уже хорошо извѣстное, обследованное, дополненное, точно опредѣленное, и съ этимъ оружіемъ въ рукахъ идемъ къ новымъ изслѣдованіямъ.

Такимъ образомъ изъ дополнительныхъ предложеній опять-таки добывается существенный признакъ, характерное опредѣленіе для изслѣдуемаго явленія. „Я получилъ извѣстіе о его пріѣздѣ сюда“ — послѣ раскрытія въ сложное предложеніе, послѣ обстоятельнаго обследованія этой мысли —

можетъ дать противорѣчивыя, даже прямо противоположныя, указанія: „я получилъ извѣстіе, что онъ пріѣдетъ сюда“ и „я получилъ извѣстіе, что онъ **не** пріѣдетъ сюда“.

Изъ перваго раскрытія извлечемъ для нашего извѣстія опредѣленія, въ родѣ „утвердительное, точное, вѣрное“, а изъ втораго—„невѣрное, ложное“ и т. п. Послѣ этого анализа мы съумѣемъ кратко и точно, опять простыми предложеніями, сформировать оба отвѣта на вопросъ: „онъ непременно будетъ здѣсь“ или „ему здѣсь не быть“.

Значеніе, смыслъ такого процесса указанъ выше: послѣ всесторонняго (иногда очень длительнаго, многолѣтняго) обслѣдованія явленія получается возможность дать краткое и точное опредѣленіе его, и пустить вновь добытое орудіе мысли въ необслѣдованныя, невѣдомыя области.

§ 38. Придаточныя **обстоятельственные** точнѣе выясняютъ сопутствующія или обуславливающія данное явленіе обстоятельства.—Наиболѣе важно установленіе послѣдовательности явленій: отсюда выясняется зависимость, связь между ними, причинныя взаимоотношенія.

Отсюда уже очевидно, что изъ обстоятельственныхъ наиболѣе употребительны и исполняютъ существенныя работы мысли—предложенія **временныя**. Ими устанавливается одновременность дѣйствій или явленій (событій), ихъ предшествованіе или послѣдованіе одного за другимъ.

Подчиняются временныя главному союзамъ **когда, пока, какъ**. („Когда подумаешь, отвѣтишь разумно.—Пока живешь,—мыслишь.—Всякій разъ, какъ блеснетъ молнія, мы ожидаемъ грома“). Установленіе повторности, многократной послѣдовательности создаетъ между такими явленіями связь, иногда случайную, ведущую къ ложнымъ умозаключеніямъ. Такъ: много разъ наблюдались случаи смерти **послѣ** раската грома, они создали неправильную, ложную связь между смертью и громомъ („громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“): не громъ, конечно, послужилъ въ тѣхъ случаяхъ орудіемъ смерти, а молнія. Только продолжительное опытное сопоставленіе подобныхъ явленій, сраставшихся въ силу ассоціаціи по времени, разрушаетъ установившуюся случайную связь явленій,—столь велика сила связыванія, присущая временнымъ предложеніямъ.

Грани послѣдовательности и причинной зависимости здѣсь тѣсно соприкасаются и почти сливаются въ особыхъ

формахъ выраженія этой зависимости,—при опусканіи подчиняющихъ союзовъ,—называемыхъ „сокращеніемъ“ придаточныхъ предложений. Это—новыя формы перехода къ старымъ, знакомымъ—членамъ предложения,—но уже наполненнымъ новымъ, богатымъ, содержаніемъ. Здѣсь понемногу, въ зависимости отъ воли и замысла говорящаго, ступшевывается грань между сложнымъ и простымъ предложеніемъ: придаточное сыграло свою роль для даннаго круга явленій, было необходимое изслѣдователю познаніе и стало опять на свое мѣсто—обстоятельственнаго слова, болѣе могучаго, однако, заключающаго въ себѣ въ свернутомъ, скрытомъ видѣ способность для новыхъ работъ мысли, доселѣ невозможныхъ. Поясимъ примѣромъ: „Солнце свѣтитъ намъ днемъ. Солнце свѣтитъ намъ, когда бываетъ день.—Солнце свѣтитъ намъ, пока тянется день.—Солнце свѣтитъ намъ днемъ, а другому полушарію ночью.—Солнце бываетъ видно жителямъ одного полушарія земли, и скрыто отъ глазъ жителей другого.—Когда у насъ бываетъ день, на другомъ полушаріи—тьма“.—Выводъ изъ предыдущаго хода мыслей въ формѣ краткаго предложения: „Солнце освѣщаетъ землю **постоянно** (всегда)“.

Новое обстоятельствоенное слово „постоянно“ (всегда) вмѣсто прежняго „днемъ“ даетъ возможность новымъ утвержденіямъ, въ родѣ: солнце **постоянный** источникъ свѣта для земли; солнце не похищается дракономъ, когда его свѣта почему-либо намъ не видно и т. п.

Чаще всего такой переходъ мысли на новые рельсы совершается путемъ особыхъ отглагольныхъ формъ, дающихъ возможность обслѣдовать сопутствіе даннаго сочетанія явленій въ различные періоды времени; формы эти—дѣепричастія различныхъ временъ ¹⁾. Возьмемъ примѣры. „Услыхавъ выстрѣлъ, онъ остановился.—Слыша выстрѣлы, онъ останавливался.—Слыша выстрѣлъ, онъ всякій разъ останавливается“.—Обратимъ въ краткую форму: „Выстрѣлы его постоянно останавливаютъ.—Причина его остановокъ слышанные имъ выстрѣлы“.

Раскрыватьлипридаточноепредложеніевъ „заслышавъвыстрѣлы, онъ остановился“, какъ временное („когда слышалъ

¹⁾ Дѣепричастій въ старомъ языкѣ рускомъ не было: это была особая форма причастій; отсюда ясно, что и дѣепричастныя формулы ведутъ опять-таки къ раскрытію существенныхъ признаковъ явленія.

выстрѣлы“) или какъ причинное („потому что слышалъ выстрѣлы“),—вопросъ безъ контекста точно неразрѣшимый. —Еще болѣе усилій и тонкаго напряженія мысли требуется для раскрытія придаточныхъ предложеній, свернувшихся въ причастіе, готовящихся, быть можетъ въ недалекомъ будущемъ перейти въ разрядъ простыхъ опредѣленій. Какъ понимать, напр., придаточное предложеніе въ: „крѣпость, никѣмъ не защищаемая, легко была взята?“ Быть можетъ оно —опредѣлительное?—Возможно,—если относится къ слову „крѣпость“; если же къ „была взята“—обстоятельствоное, а какое именно, выясняется лишь изъ контекста. Предложеніе это можетъ быть раскрыто тремя способами: 1) которую никто не защищалъ, 2) когда ее никто не защищалъ и 3) потому что ее никто не защищалъ.

А при переходѣ отъ всѣхъ этихъ приѣмовъ мысли къ одному, устанавливающему характерный, существенный признакъ обслѣдуемаго разносторонне явленія, всѣ эти оттѣнки сольются: „никѣмъ незащищаемая крѣпость легко была взята“; еще общѣе (отвлеченнѣе): „беззащитную крѣпость легко взять“.—Отсюда исходный пунктъ къ новымъ сужденіямъ, быть можетъ очень далекимъ отъ конкретнаго понятія (—крѣпость—), въ родѣ: „Ты моя крѣпость, Господи“.

§ 39. Уже изъ предыдущаго видна связь, сходство и разница, между временнымъ и причиннымъ придаточнымъ предложеніемъ: первое уготовляетъ путь второму. Временное предложеніе, путемъ продолжительнаго наблюденія, устанавливаетъ связь между двумя или нѣсколькими явленіями или цѣлыми рядами таковыхъ, отмѣчаетъ постоянность этого факта и дальше не идетъ.

Новый шагъ мысли,—вѣрный или ложный—это выясняется вполнѣ, —заключается въ томъ, что эти явленія (или ряды ихъ) изъ равноцѣнныхъ превращаются въ явленія различныхъ ступеней; одно создается, вызывается къ жизни другимъ, безъ него не бытуетъ; одно—причина возникновенія другого. („Всякій разъ, какъ появляется солнце, бываетъ свѣтло“.—„Такъ какъ солнце появилось, стало свѣтло“, или наоборотъ—„такъ какъ стало свѣтло, значитъ появилось солнце“). Уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что при переходѣ отъ временнаго,—(даже вѣрно, точно, научно устанавливающаго послѣдовательную связь явленій),—къ причинному получается утвержденіе, требующее ограни-

ченія, установленія условій, при которыхъ новое утвержденіе сохраняетъ свою достовѣрность: можетъ, вѣдь, стать свѣтло и отъ сѣвернаго сіянія, и отъ луны и отъ электричества и проч. Причинъ, источниковъ свѣта много,—нужно доказывать всякій разъ, что въ данномъ случаѣ свѣтъ породила именно та, а не другая причина. Отсюда—рядъ ошибокъ, ложныхъ утвержденій, переживающихъ иногда вѣка („солнце движется, а земля стоитъ“), но здѣсь же—и побудительная причина для новыхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Собираніе различныхъ причинъ для объясненія даннаго явленія въ результатѣ собираетъ около него рядъ признаковъ, выясняющихъ сущность его. („Почему онъ вскрикнулъ?—Его укусила въ тотъ моментъ собака; его ужалила (въ другой разъ) змѣя; онъ упалъ и вывихнулъ ногу (въ третьемъ случаѣ)“—Изъ этого дѣлаемъ о характерѣ кричавшаго одинъ выводъ. Если же скажемъ: „Онъ кричалъ потому, что мимо пролетала пчела; онъ кричалъ (въ другой разъ), завидѣвши мышь; онъ кричалъ (въ 3-й разъ), внезапно попавши въ темную комнату“,—изъ этого матеріала дѣлаемъ, обобщая, выводъ иной, въ родѣ: онъ трусливъ или нервенъ).—Переходъ отъ цѣлаго предложенія причиннаго снова къ обстоятельству слову и здѣсь лежитъ черезъ отглагольныя формы—дѣепричастія и причастія.

§ 40. Существенную помощь при выходѣ изъ ряда сомнѣній, ложныхъ утвержденій, создаваемыхъ причинными предложеніями, оказываютъ предложенія **условныя**. Это уже достояніе развитоу ума, научнаго (хотя примитивно), умѣющаго произвести опытъ, выдѣлить существенные признаки явленія въ одной связи и отвергнуть ихъ для другой цѣпи таковыхъ. Обратимся къ примѣрамъ. „Всякій разъ, какъ человѣкъ работаетъ, онъ получаетъ пропитаніе или плату за свой трудъ“.—Межъ тѣмъ жизнь, опытъ нерѣдко это опровергаютъ. Какъ же быть? Необходимо глубже вникнуть въ смыслъ этого сужденія: б. м. оно неполно, односторонне, требуетъ добавки или, наоборотъ, ограниченія, хотя бы такоу: „если этотъ трудъ другими признанъ полезнымъ, важнымъ; если трудъ разуменъ“ и т. п. („Какъ хочешь ты трудись, но пріобрѣсть не лѣстись ни благодарности, ни славы, **колы** нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы“). „Сокращенію“ условныя предложенія подвергаться не могутъ.

Обычные подчиняющіе союзы „если, если-бы“ (коль, коли) могутъ быть замѣнены „когда бы“—въ чемъ сказывается близость ихъ съ временными („Когда бы ты былъ внимателенъ, узналъ бы объ этомъ“).—Подчиненность (гипотактичность) условнаго главному болѣе слаба, чѣмъ предыдущихъ придаточныхъ; иногда подчиняющій союзъ совсѣмъ опускается („Не ходи козель въ лѣсъ, остался бы живъ“).

§ 41. Еще меньше такой подчиненности у предложеній **уступительныхъ**, которыя стоятъ на грани сочиненности (паратактичности): „Хотя я объ этомъ слышалъ отъ многихъ, но (однако, впрочемъ) въ правдивости этого слуха не убѣжденъ“. Сопоставимъ съ „слышать то объ этомъ я отъ многихъ слышалъ, да въ правдивость этого слуха мало вѣрю“.

Эти предложенія предполагаютъ въ орудующемъ ими не только извѣстную долю наукообразнаго мышленія, но и общественности, умѣнія цѣнить чужое мнѣніе, отдавать ему должное, даже не будучи съ нимъ согласнымъ. Въ созданіи науки, культуры роль ихъ велика.

§ 42. Предложенія **обстоятельства образа дѣйствія** занимаютъ нѣсколько особое мѣсто. Помимо своего первоначальнаго назначенія—точно опредѣлять способъ дѣйствія, они играютъ видную роль, какъ элементы сопоставленія, сравненія между собою (положительнаго и отрицательнаго) различныхъ дѣйствій, состояній, явленій, событій, отбѣняють новые признаки предмета, извлекая ихъ изъ другого; сопоставляютъ два (или нѣсколько) ряда явленій, надъ которыми въ отдѣльности мысль уже продѣлала всѣ вышеприведенные способы обслѣдованія.

Такъ какъ обстоятельственныя слова могутъ выражаться формами нарѣчнаго характера и дѣепричастіями (отглагольными),—отсюда два типа предложеній образности, такъ называемыя полныя и сокращенныя. („Онъ промчался стрѣлой.=Онъ промчался, какъ (мчится) стрѣла“.—„Онъ говоритъ, сильно повышая голосъ“). Раскрыть сокращенную форму нельзя (какъ-то было во всѣхъ предыдущихъ аналогичныхъ случаяхъ) и, наоборотъ, полную форму нельзя „сократить“,—это формальный отличительный признакъ предложеній образности.

§ 43. **Объ остальныхъ придаточныхъ предложеніяхъ**,—въ виду ихъ малой употребительности и сравнительно ма-

лой цѣнности въ дѣлѣ прогресса человѣческой мысли—скажемъ вкратцѣ.

Припомнимъ сказанное выше: изъ любого члена предложения (кромѣ обращенія) по требованію развивающейся мысли можетъ возникать, развиваться цѣлое придаточное предложеніе. Почти о всѣхъ членахъ предложения, превращающихся въ придаточныя предложенія, указанія даны выше, опущены лишь обстоятельства мѣста и цѣли, а также сказуемое и подлежащее.

Болѣе точное опредѣленіе мѣста, очевидно, мало затрудняло мысль даже на раннихъ сравнительно ступеняхъ: самыхъ нарѣчій: (являющихся въ предложеніи обстоятельствами мѣста) создано въ языкѣ весьма ограниченное количество (здѣсь, тамъ, туда, оттуда, гдѣ, куда, откуда), да и они нерѣдко отклоняются отъ своей основной функціи (какъ то мы видѣли въ придаточныхъ опредѣлительныхъ).—Къ тому же мѣсто точнѣе опредѣлялось дополненіями, изъ которыхъ выросло нѣсколько формъ, стоящихъ на грани обстоятельственныхъ словъ (нарѣчій), напр. „Онъ идетъ **полемъ, городомъ, горою** и т. п. Раскрывая эти послѣднія въ предложенія, получаемъ **придаточныя мѣста**, по смыслу не вполне соответствующія обстоятельственнымъ словамъ: „онъ идетъ тамъ, гдѣ тянется (находится, лежитъ и проч.) поле, городъ, гора“.

Что касается **предложеній цѣли**, они тоже нерѣдко очень близки къ дополнительнымъ и различаются только умомъ, умѣющимъ глядѣть въ будущее, создавать цѣль жизни, идеаль; здѣсь и внѣшняя форма ограничивается собственно однимъ нарѣчнымъ словомъ: „зачѣмъ“. Да и то если напишемъ это слово раздѣльно, въ отвѣтъ на вопросъ получимъ или дополнение или опредѣленіе: „Ихъ послали затѣмъ, **чтобы они учились** (пр. обст. цѣли), а не шалили“; но „за чѣмъ ихъ послали?—За книгою (доп.).— „Ихъ послали **за тѣмъ**, что было тамъ оставлено“ (прид. опредѣлительное).

Въ новѣйшихъ грамматикахъ выдвигаются все чаще термины: „придаточныя подлежащія“ и „придаточныя сказуемыя“. („Что съ возу упало, пропало“.—„Какова яблоня, таковы и яблоки“). Такія предложенія сравнительно рѣдки и активная роль ихъ въ исканіяхъ мысли, въ расчисткѣ пути духовнаго развитія крайне ограничена, почти неосвязаема. Поэтому, на нашъ взглядъ, ихъ лучше бы не вводить въ начальное изученіе строя языка: чѣмъ меньше излишествъ въ отвлеченной

терминологіи, тѣмъ прочнѣе и глубже будетъ западать въ душу изучаемое ¹⁾. Къ тому же они, какъ развившіяся изъ главныхъ членовъ предложенія, плохо укладываются въ рамкахъ гипотактичности, т. е. ихъ собственно нельзя относить къ разряду придаточныхъ.

§ 44. Если мысль принимается за обслѣдованіе предмета или явленія многосоставнаго, сложнаго, она собираетъ вокругъ искомаго признаки уже не въ видѣ ряда, скажемъ, однородныхъ опредѣленій, дополненій, обстоятельственныхъ словъ, а орудуетъ для той же цѣли усовершенствованными, развитыми приѣмами, цѣлыми предложеніями одной категоріи (для примѣра припомнимъ Лермонтовское „Когда волнуется желтѣющая нива“...) и такимъ образомъ завершаетъ, по возможности исчерпываетъ кругъ понятій, притягиваемыхъ окрестъ даннаго явленія, завершаетъ одинъ циклъ, заканчиваетъ **періодъ** (что въ переводѣ съ греческаго обозначаетъ дорогу по кругу, круговую).

Однородными членами этого новаго цѣлаго будутъ цѣлыя предложенія той или иной изъ вышепересмотрѣнныхъ категорій,—т. е. двучленнымъ (трехчленнымъ и т. д.) причиннымъ періодомъ будетъ называться главное (можетъ быть и сложное) предложеніе съ предшествующими двумя (тремя и болѣе) причинными предложеніями. („Такъ какъ онъ былъ совсѣмъ слабъ, такъ какъ ноги его не двигались,—то мы уложили его на носилки и понесли“).

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—это просто члены предложенія, выраженный въ формѣ цѣлаго предложенія (или ряда предложеній), въ родѣ „Мертвымъ не стыдно (—подл.) сдѣлалось пословицей“, или „хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь (—подл.)—русская пословица“, или „Мартышка къ старости слаба глазами стала... что только искры за-сверкали (весь текстъ басни—подл.)—крыловская басня“ и т. п. Въ другихъ случаяхъ такіа предложенія могутъ быть подведены ближе къ опредѣленіямъ (или опред. предложеніямъ) или къ обстоятельствамъ образа дѣйствія (чл. предложеніямъ образности): „Кто (который человѣкъ) на морѣ не бывалъ, тотъ страху не видалъ“—(опред. пр.), а „спереди онъ (водопадъ) (есть) не что иное, какъ невысокій водяной уступъ“ (предл. образности); ср. „спереди онъ выглядитъ, какъ водяной уступъ“.

Первая часть періода, заключающая рядъ придаточныхъ предложеній, называется **повышеніемъ**, такъ какъ голосъ, говорящаго,—собирая все новыя и новыя данныя и боясь, чтобы они не тускнѣли, не затеривались въ громоздкой постройкѣ,—все повышается, а дойдя до главной мысли (выражаемой управляющимъ—простымъ или сложнымъ—предложеніемъ, падаетъ, понижается, откуда и названіе второй части—**пониженіе**.

Смотря по тому, изъ какихъ придаточныхъ составляется повышение, періоды различаются по характеру и получаютъ отсюда свое прозваніе: изъ временныхъ—**последовательный**, изъ обстоятельствъ причины—**причинный**, изъ обстоятельствъ образа дѣйствія—**сравнительный** и т. д.

Это одинъ изъ чрезвычайно важныхъ пріемовъ мысли,—какъ основа всякой научной классификаціи, какъ способъ собиранія въ стройной системѣ,—притомъ въ очень сжатомъ видѣ,—необходимаго для изслѣдованія матеріала, какъ своего рода стройный планъ изслѣдованія, не позволяющій выходить за рамки намѣченного, не дающій разбрасываться въ стороны, не дающій простора пустому многословію,—и въ то же время—это зародышъ, зерно цѣлыхъ научныхъ и художественныхъ развитыхъ формъ, называемыхъ повѣствованіями, описаніями, характеристиками, разсужденіями и проч.

§ 45-й. Какъ развивалось изъ матеріала, собраннаго, напр., последовательнымъ періодомъ, описаніе, какъ изъ причиннаго періода вырастало разсужденіе; какъ совершался (черезъ сравненіе) переходъ отъ образныхъ (поэтическихъ) формъ къ прозаическимъ (отвлеченнымъ, научнымъ) и т. п.—это дѣло особой науки—**теоріи словесности**. А какъ росъ, совершенствовался, видоизмѣнялся тотъ или иной видъ поэтическаго или прозаическаго произведенія (народнаго или личнаго творчества) на протяженіи вѣковъ въ умахъ, душахъ и сердцахъ великихъ „дѣлателей слова“—художниковъ, поэтовъ, писателей, ученыхъ—это предметъ **исторіи литературы**.

Однако нельзя упускать изъ виду, что корни всего имѣющагося (и всего грядущаго) богатства формъ мысли, и прош-

лой и настоящей, лежатъ въ языкѣ. Тонкое знаніе и пониманіе языка, его строя, его синтаксиса—источникъ правильнаго пониманія всѣхъ дальнѣйшихъ усложненныхъ, развитыхъ формъ мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ—путь къ прогрессу, разумному созданію новаго на устояхъ стараго, былого,—не дряхлѣющаго, вѣчно юнаго, обновляющагося, пока бьетъ живой неизсякаемый родникъ творчества въ языкѣ народа.

Методологическая страничка.

1) Всякое теоретическое знакомство съ явлениями языка должно быть предваряемо продолжительнымъ наблюдениемъ таковыхъ въ потокѣ живой рѣчи (и соответственными практическими упражненіями). Безъ образованнаго, живого, отдающаго душу своему дѣлу руководителя для дѣтей всякое изложеніе грамматическихъ доктринъ будетъ скучно и мертво: всюду, въ каждой детали, необходимо примѣняться къ индивидуальности учащагося.

2) Все изучаемое должно быть расположено концентрически; переходъ отъ одного центра къ другому совершается лишь послѣ тщательнаго изученія и усвоенія предыдущаго.

3) Морфологія, этимологія, какъ теоретическія части, должны быть изучаемы въ младшемъ возрастѣ, довольствуящемся самымъ процессомъ изученія (а не его сущностью) и потому сравнительно легко переваривающемъ эти скучные, сухіе отдѣлы грамматики.—По направленію къ старшему возрасту необходимо почаще затрагивать психологическія струны (обращаться къ чутью языка, привлекать къ дѣлу матеріалъ сравнительнаго и историческаго характера), не давать гаснуть интересу, напряженію мысли, столь необходимыхъ при изученіи сложныхъ процессовъ человѣческой мысли, отлагающихся въ теоріи синтаксиса.

4) Сложное предположеніе должно быть отнесено въ одну изъ послѣднихъ стадій грамматическаго изученія строя рѣчи.

5) Знакомство съ періодомъ крайне важно, какъ уготовленіе пути самостоятельной работѣ мысли учащихся въ области такъ называемыхъ „сочиненій“.

5) Примѣры въ „Начаткахъ“ приведены въ самомъ ограниченномъ количествѣ по тому основанію, что все изучаемое теоретически должно быть предварено многократными, продолжительными наблюденіями и изученіемъ живого языка (въ прочитанныхъ разсказахъ, въ разученныхъ стихотвореніяхъ, въ молитвахъ и т. д.).

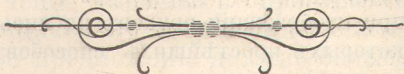
Для удобства преподавателя можно, пожалуй, пользоваться, на 2-й ступени изученія, и специально подобранными примѣрами, хотя бы въ грамматикѣ Максимова, кстати она очень дешево стоитъ (всего 10 коп.).

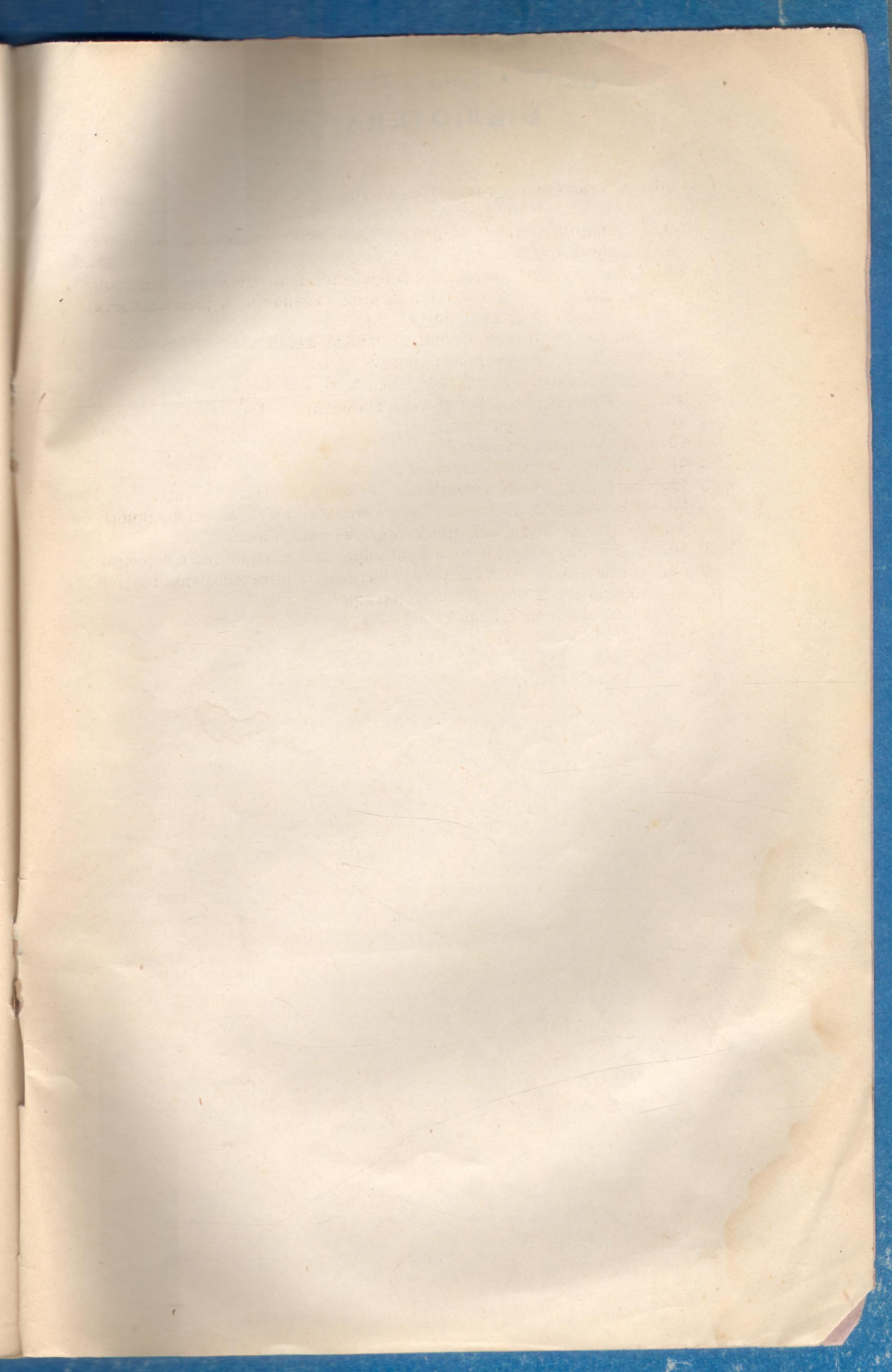

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- § 1. Членораздѣльные звуки разной силы (гласные, полугласный и согласные).
- § 2. Условія образованія человѣческаго слова изъ вышеназванныхъ звуковъ.
- § 3. Процессъ созданія новаго слова.
- § 4. Созданіе изъ ряда несвязанныхъ словъ стройнаго цѣлаго.
- § 5. Что такое предложеніе.
- § 6. Члены предложенія—главные и второстепенные.
- § 7. Значеніе членовъ предложенія въ дѣлѣ классификаціи нашихъ знаній.
- § 8. Части рѣчи—классификаторы словеснаго богатства человѣка.
- § 9. Всякая часть рѣчи образуетъ членъ предложенія.
- § 10. Взаимоотношеніе между частями рѣчи и членами предложенія.
- § 11. Закрѣпленіе звуковъ человѣческой рѣчи внѣшними знаками (буквы).
- § 12. Взаимоотношеніе между звукомъ и буквою.
- § 13. Азбука (алфавитъ) русскаго языка.
- § 14. Буквы строчныя и прописныя.
- § 15. Буквы гласныя, полугласныя, согласныя и знаки твердости и мягкости (ъ и ь).
- § 16. Условности при изображеніи звуковъ на письмѣ.
- § 17. Указанія нѣкоторыхъ простѣйшихъ способовъ, облегчающихъ трудности орфографіи.
- § 18. Названія и краткія опредѣленія частей рѣчи.
- § 19. Подвижность и переходимость грамматическихъ категорій.
- § 20. Какъ растетъ и видоизмѣняется въ своихъ частяхъ слово.
- § 21. Краткая характеристика частей слова.
- § 22. Склоненіе и спряженіе.
- § 23. Измѣненія имени существительнаго.
- § 24. Имена прилагательныя.
- § 25. Имена числительныя.
- § 26. Мѣстоименія.
- § 27. Глаголы.
- § 28. Причастія и дѣпричастія, какъ перекидной мостъ отъ спрягаемыхъ къ склоняемымъ и неизмѣняемымъ частямъ рѣчи.
- § 29. Нарѣчія.
- § 30. Предлоги.
- § 31. Союзы.
- § 32. Междометія.

- ∞ Общее замѣчаніе о томъ, что части рѣчи точно опредѣляются лишь въ предложеніи (въ контекстѣ). ∞
- § 33. Различные виды предложеній простыхъ и способы образованія изъ нихъ сложныхъ.
- § 34. Знаки препинанія, раздѣляющіе члены предложенія и цѣлыя предложенія, какъ внѣшнія формы связности и раздѣльности въ мысли этихъ явленій.
- § 35. Двѣ категоріи придаточныхъ предложеній.
- § 36. Придаточныя опредѣлительныя.
- § 37. Придаточныя дополнительные.
- § 38. Придаточныя обстоятельства времени.
- § 39. Придаточныя причины.
- § 40. Придаточныя условныя.
- § 41. Придаточныя уступительныя.
- § 42. Придаточныя обстоятельства образа дѣйствія.
- § 43. Остальныя придаточныя (обстоятельства мѣста, цѣли, придаточныя—подлежащія, придаточныя—сказуемыя).
- § 44. Дальнѣйшее развитіе сложнаго предложенія (понятіе о періодѣ).
- § 45. Взаимоотношенія между грамматикой (синтаксисомъ), теоріей словесности и исторіей литературы.
- ∞ Методологическая страничка.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА 5619.

